

**АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
АРМАВИРСКИЙ МЕХАНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕХНИКУМ**

**АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

Материалы 21-й всероссийской научно-практической конференции

АРМАВИР, 2016

**Армавирский Государственный Педагогический Университет
Армавирский Механико-Технологический Техникум**

**АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

**МАТЕРИАЛЫ 21-Й ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

Армавир, 2016

Составитель и редактор – к.и.н., доц. И.И. Басов (АГПУ, Армавир)

Научные редакторы:

д.и.н., проф. А.Л. Пелих, Армавирский механико-технологический техникум, Армавир.

д.и.н., доц. Ю.В. Приймак, Армавирский государственный педагогический университет, Армавир.

Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа. Материалы 21-й Всероссийской научно-практической конференции / И.И. Басов (сост. и ред.); А.Л. Пелих, Ю.В. Приймак (отв. редакторы). - Армавир, 2016. - 103 с.

В настоящем межвузовском сборнике, традиционно составленном на основе научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова, представлены статьи кандидатов и докторов наук, студентов, магистрантов и аспирантов ряда северокавказских вузов и научно-исследовательских учреждений региона, и посвященные различным вопросам археологии и этнографии, а также исторического регионоведения Северного Кавказа. В сборник также включены материалы юбилейного характера, отражающие жизненный путь, научные и общественные достижения ряда известных кавказоведов. В данном выпуске помещены и мемориальные публикации, являющиеся данью памяти некоторых видных ученых нашей страны, недавно ушедших из жизни.

На первой странице обложки – археологическая практика студентов истфака АГПУ 2016 г., Тамань, Краснодарский край.

На второй странице обложки – завкафедрой всеобщей и отечественной истории АГПУ, д.и.н., профессор С.Л. Дударев (к 65-летию со дня рождения).

ISBN

© Коллектив авторов, 2016.

© Басов И.И.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов.....

I. Археология и этнография Северного Кавказа

ДУДАРЕВ С.Л. К интерпретации некоторых материалов предскифского времени из Кабардино-Балкарии.....

ВОЛЬНАЯ Г.Н. Образ бауна в предметах кобанской культуры с симетричной композицией.....

БАСОВ И.И., БЕРЕЗИН С.Я. Охранно-спасательные работы на территории могильника №2 в рамках проведения археологической практики студентов АГПУ 2016 г.

ИЛЮШИНА Л.В. Новшества в быту и культуре адыгов, абазин, карачаевцев (вторая половина XIX - начало XX в.).....

II. Из исторического прошлого Северного Кавказа

КЛЫЧНИКОВ Ю.Ю. К оценке взглядов графа Н. И. Евдокомова на процессы колонизации и мухаджирства на Северо-Западном Кавказе в начале 60-х гг. XIX в.

ТКАЛЕНКО Н.С. О действиях Османской Империи на территории Северо-Западного Кавказа на рубеже 20-30-х. гг. XIX века.....

КОЗЛОВ М. В. История крепости Прочный Окоп.....

ШЕВЕЛЕВ Н.С. История герба города Новороссийска.....

ЛЫСЕНКО Н.Ф., ПЕЛИХ А.Л. История церкви села Маруха как отражение отношения государства к православию в XX веке.....

III. Историческое регионоведение в образовательной практике

ЛЕНЬШИНА О.О. Воспоминания Ф.А. Щербины как источник по этнопедагогике кубанских казаков.....

БАСОВ И.И., ПЕЛИХ А.Л. Археологическая практика студентов истфака АГПУ – 2016 г.....

Юбилеи коллег

Продолжатель замечательных традиций (к 65-летию со дня рождения С.Л. Дударева).....

Наш славный земляк (к 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности В.А. Захарова).....

Наталью Николаевну Великую – с юбилеем!.....

Юбилей С.А. Головановой.....

Н.М. Еремину – 60!

Памяти коллег

ДУДАРЕВ С.Л. Памяти В.Е. Максименко.....

ДУДАРЕВ С.Л. Памяти М.Н. Погребовой.....

САЗОНОВ А.А. Памяти Петра Алексеевича Дитлера.....

От редакторов

Очередная XXI Всероссийская конференция "Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа" организована Армавирским государственным педагогическим университетом и Армавирским механико-технологическим техникумом. Доклады дипломированных специалистов, магистрантов и студентов из различных вузов и научно-исследовательских учреждений сгруппированы в секциях: "Из археологии и этнографии Северного Кавказа", "История Северного Кавказа", "Историческое регионоведение в образовательной практике". Как всегда, в сборнике представлены статьи студентов, делающих первые шаги в "большую" науку. Они подготовлены под руководством опытных наставников – д.и.н., профессора Великой Н.Н. (АГПУ), к.и.н., доцента Ктиторова С.Н. (АГПУ), к.и.н., доцента Ктиторовой О.В. (АГПУ). Приятно отметить, что Ктиторов С.Н. и Ктиторова О.В. являлись участниками конференции "Археология, этнография и краеведение Кубани" с первых выпусков, а сегодня они – научные руководители нынешних студентов, и активно продолжают тенденции, заложенные своим научным руководителем, выдающимся кавказоведом, профессором В.Б. Виноградовым.

Надеемся, что традиция проведения конференции "Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа", при жизни профессора В.Б. Виноградова носившей регулярный характер, будет возрождена, и как прежде будет способствовать подготовке квалифицированных кадров для народного образования, хорошо знакомых с далеким прошлым северокавказского региона - неотъемлемой части России.

I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ МАТЕРИАЛОВ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

ДУДАРЕВ СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ

зав.кафедрой всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета, д.и.н., профессор, заслуженный деятель науки Кубани, академик Международной академии информатизации и Общественной академии наук, культуры и образования Кавказа

В 2010 г. специалисты по истории предскифского времени Восточной Европы С.Б. Вальчак и В.В. Потапов опубликовали ряд предметов конского снаряжения предскифского времени из горной Кабардино-Балкарии, происходящие из несанкционированных раскопок [1, с.29-35]. Спустя несколько лет известный археолог Л.С. Ильюков издал ряд аналогичных изделий, а также предметов вооружения (наконечники стрел), происходивших из той же Кабардино-Балкарии и найденных при сходных обстоятельствах. При этом автором было высказано предположение, с которым можно согласиться, что обе «коллекции» были связаны с одним археологическим памятником, который был случайно обнаружен и разрушен. Найдки, которые сделали два человека, оказались сгруппированы по двум «комплексам», найденным на склоне горы (sic!), хронологически близким между собой. «Комплексы» затем оказались разными путями проданы в г. Ростов-на-Дону в конце 2010-х, где попали в руки частных коллекционеров [2]. Именно это и позволило затем археологам-профессионалам ознакомиться с находками и опубликовать их.

Среди предметов из Кабардино-Балкарии: шесть бронзовых двукольчатых удил, шестнадцать трехпетельчатых псалиев с грибовидной шляпкой, кольца с дополнительными привесками для крепления повода, многочисленные бляхи, в том числе, с солярной орнаментацией, лунницы, браслетообразные кольца, наконечники стрел и т.п. Со слов находчиков,

публикаторы предметов упоминают и о помятых бронзовых сосудах [2, с.197]. Мы не станем подробно описывать находки, поскольку это детально сделано при их издании квалифицированными авторами. Наша задача состоит в кратком анализе и интерпретации как некоторых интересных черт указанных «комплексов», так и самого феномена, который они представляют, т.е. колесницы, как вида транспорта и престижно-ритуального аксессуара.

Со слов находчиков, на месте обнаружения вышеуказанных предметов выявлены следы горения [1, с.34; 2, с.197]. По С.Б. Вальчаку и В.В. Потапову, аналогичные случаи встречаемости подобных наборов вместо со следами кремации известны только в комплексах у с.Бутенки и в могильнике Эшкакон, все же остальные прецеденты обнаружения упряжи связаны только с ингумационными погребениями или ритуальными кладами [1, с.34]. Этим археологам остался неизвестен комплекс предскифского времени с восточного подножья г. Бештау (местность Козы Скалы), частично опубликованный в 2007 г. автором и В.А. Фоменко [3], и содержащий остатки трупосожжения и детали колесничной упряжи, а также предметы вооружения и орудия труда. Впоследствии С.Л. Дударев и В.А. Фоменко полностью издали указанный комплекс, а также другой, территориально и хронологически близкий ему и вновь содержащий предметы колесничной упряжи, вооружения, орудия труда, украшения, найденный у северо-западного подножия г. Бештау (Орлиные Скалы) [4;5]. Среди вещей последнего, частично носивших следы пребывания в сильном огне, были древесные угли. Следов кремации человеческих останков найдено не было. Таким образом, случаи совместного обнаружения предметов колесничной упряжи и остатков кремации в памятниках предскифского времени Восточной Европы и Северного Кавказа становятся более частыми. Примечательно и то, что найденные в Кабардино-Балкарии стрелы, по данным публикаторов, усыпали поверхность памятника [2, с.198]. Не исключаем того, что эта особенность носит, возможно, не ритуальный характер, как можно было бы предположить, опираясь на этнографические

данные [6], а соотносится с условиями обнаружения находок. Комплекс с Орлиных Скал, в основном стрелы (70 экз.), был частично смешен по отношению к другим предметам вниз по склону горы [5, с.160], т.е. возможно, просто сполз вместе с грунтом в течение веков. Подобные ситуации, как и случае с находками стрел из Кабардино-Балкарии, могли производить впечатление «усеянности» склона наконечниками стрел.

Одновременно примечательно то, что «комплексы» из Кабардино-Балкарии, как и упомянутые выше наборы предметов с г. Бештау, вместе с которыми можно упомянуть и их территориальный и хронологический аналог – клад с г. Бештау, опубликованный А.А. Иессеном [7], не содержащий деталей колесничной упряжи, были обнаружены, как уже отмечалось выше, именно на склонах гор. В случае с г. Бештау мы с В.А. Фоменко в свое время пришли к заключению, что этот природный памятник имел некое сакрально-культовое значение для окрестных племен и был своего рода «мемориалом» для местной военной знати в позднейшее предскифское время и древнейшую скифскую эпоху [5, с.167]. Можно полагать, что и находки из Кабардино-Балкарии, с учетом их топографии, являлись частью ритуала в честь одного из местных вождей. У ряда народов мира горы играли огромную роль в мировосприятии. Традиционно являясь олицетворением идеи «Мировой горы», они выступали в качестве оптимального места для общения людей с высшими силами. На их вершинах обитали обожествляемые персоны, наделенные духовной и светской властью, и выполнявшие роль медиаторов между небожителями и окрестным населением [8, с.99]. Крайне интересно, что в Восточной Грузии, на горе «Гохеби» находилось святилище конца II - начала I тыс. до н.э., содержащее бронзовую *пароконную модель боевой колесницы*. При этом, в центре обложенной камнями зольной ямы находился череп человека [9, с.58; табл.ХIII]. Сакральный контекст аналогичных рассматриваемым комплексов усиливается тем, что исследователи, издавшие находки из Кабардино-Балкарии, ранее пришли к выводу о связи деталей колесниц, включенные в

состав тех или иных памятников Юго-Восточной Европы, с парциальной магией. Вместо целой колесницы («квадриги») в погребение, как правило, по принципу *parts pro toto* (часть вместо целого) помещали ее детали: узду и тягловые принадлежности [10, с.43-45]. Иногда сопровождавшиеся трупосожжениями. В результате появился особый вид захоронений – «клады» [2, с.199].

По В.Р. Эрлиху, колесницы появились на юге Восточной Европы и Северном Кавказе благодаря контактам со странами Древнего Востока во время ранних военных походов в Закавказье и Малую Азию. Исследователь справедливо полагает, что это транспортное средство было предметом престижа и знаком власти [11, с.145-146, 152]. При этом в одной из своих более ранних работ, В.Р. Эрлих отмечал, что использование неуклюжих колесниц в предгорьях Северного Кавказа было крайне неудобным [12, с.50]. Мы с А.Л. Пелихом еще в 1990-е гг. указали на то, что дело было вовсе не в неудобстве: ассирийские и урартийские колесницы, к которым автор возводит северокавказские, регулярно и массово передвигались в условиях сильно пересеченной местности [13, с.7]. Колесницы как в «киммерийской» степи, так и в равнинном Предкавказье вряд ли могли быть ударной силой в виду своей плохой маневренности (они опрокидывались при крутом повороте): у степняков основной военной силой была конница, а у кавказцев – преимущественно пешие копейщики [14, с.172; 15, с. 400-401].

В то же время, на южном склоне гор Центрального Кавказа, входящем в кобанский ареал, мы фиксируем интересную ситуацию, которая до сих пор не привлекла внимания специалистов. В знаменитом Тлийском могильнике известно захоронение с бронзовым поясом (погр.350), на котором изображена пароконная колесница [16, с.295, табл.20]. Эта могила не получила у Б.В. Техова устойчивой датировки: в публикации можно видеть и VIII и VII вв. до н.э. в качестве таковой [16, с.17, 237]. В комплексе погр.350 был найден предмет [16, с.294, табл.19, 9], который трактуется автором как «бронзовый ролик от подвесного ремня» [17, с.57]. Весьма любопытно, что

подобные ему известны в Закавказье еще в эпоху поздней бронзы – раннего железа, например, в могильнике Бешташени [18]. Однако в более ранних, чем погр.350, захоронениях Тли, как указывает Б.В. Техов, подобные застежки не обнаружены. Зато они известны в тлийских погребениях VIII-VI вв. до н.э. (погр. 216 и 476) [16, с.427, табл.137, 4; 19, с.35, рис.14, 14; 20]. Возможно, они являются южной новацией, которая связана с эпохой киммерийско-скифских походов. В то же время, вряд ли датировка погр.350 переходит в VI в., поскольку в его инвентаре нет основных маркирующих вторую половину VII-VI в. предметов, характерных для тлийских захоронений [21, с.85-92]. Иначе говоря, изобразительное искусство жителей Центрального Кавказа VIII-VII вв. четко фиксирует их знакомство с колесницами. Более того, Б.В. Техов неоднократно отмечал, что двухколесная боевая колесница фигурирует в Нартском эпосе [17, с.60; 22, с.121-122], основное ядро главных сказаний которого было создано именно в указанное время [23, с. 373]. В то же время, М.Н. Погребова и Д.С. Раевский, исследуя бронзовые гравированные закавказские пояса, пришли к выводу, что северному ареалу этих поясов колесница, как элемент декора, совершенно не свойственна, но почти обязательная на поясах выделенной ими серии IV (Северо-Восточная Армения, Северо-Западный Азербайджан, побережье оз. Севан и др.). По мнению исследователей, это указывает на прямые контакты тлийцев с указанными районами Закавказья [24, с.56].

Таким образом, колесничный транспорт был знаком кобано-тлийскому населению южного склона Центрального Кавказа и фигурировал в его художественной и ритуально-мифологической практике. Но, судя по всему, он не имел реального применения в быту, но что указывает отсутствие колесничной и почти любой другой упряжи в инвентарях Тли вплоть до второй половины VII-VI в. до н.э., когда в них, наконец, появляются предметы конской сбруи: погр.68 и 216) [25, табл.108, 4-5,9; 159, 3]. Колесница, как социально-престижный атрибут, связанный, по-видимому, с воинским культом, и ростом влияния военной прослойки в обществе,

непосредственно использовалась в церемониях и ритуалах центральной и северо-западной части предгорно-равнинного Предкавказья и степях Юго-Восточной Европы. Она являлась определенным маркером тех социоисторических процессов, которые шли здесь в позднейшее предскифское время в связи с этническими перемещениями эпохи киммерийских походов [14, с.173-176; 15, с.400-403]. Думается, что у древних тлийцев образы колесницы и колесничих были, скорее, ритуально-художественными символами, отражавшими связи с южными соседями и кругом их представлений о мире [26], но не маркировавшими, как в Предкавказье, связанных с этим изменений в социальной структуре общества.

Примечания:

1. Вальчак С.Б., Потапов В.В. Новая находка предметов упряжи скифского времени а Кабардино-Балкарии//Древности Кубани. Вып.22. – Краснодар, 2010.
2. Ильюков Л.С. Колесничья упряжь предскифского времени из Кабардино-Балкарии// ТАНАИН ΔΕ ΠΟΤΑΜΟΝ ΔΙΑΒΑΝΤΙ= ЗА РЕКОЙ ТАНАИСОМ: сборник памяти В.Е. Максименко (1939-2014)/под общ. ред. В.А. Кореняко, А.Л. Бойко; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2015. – С.197-202.
3. Дударев С.Л., Фоменко В.А. Новый комплекс позднейшего предскифского времени с горы Бештау // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. – Вып.8. – Пятигорск, 2007. – С.4-10.
4. Dudarev S.L., Fomenko V.A. Neue präskythische Funde aus Nodrkaukasien// Eudasia Antiqua. Zeitchrift für Archäologie Eurasien. Band 17. 2011. Verlag Philipp von Zabern. Darmstadt. S.157-175.
5. Дударев С.Л., Фоменко В.А. Новые комплексы позднейшего предскифского времени с Северного Кавказа//Сборник научных работ С. Л. Дударева. – М.: Илекса, 2011. – С.155-170.
6. Еще в первой половине XIX в. на похоронах автохтонных жителей Кавказа частью поминальной церемонии являлись стрельбы в цель, сопровождавшиеся раздачей призов (Торнау, Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера/Ф.Ф. Торнау. – М.: АИРО-XX, 2000. – С.100).
7. Иессен А.А. Некоторые памятники VIII-VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // ВССА. – М., 1954. – С.124-125, рис.13-14.
8. Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь. Исследования магии и религии. Второе издание. М.: ИПЛ, 1986.
9. Пицхелаури К.Н. Восточная Грузия в конце бронзового века. –Тбилиси: Мецниереба, 1979. –158 с., ил.
10. Вальчак С.Б. Предскифские колесницы и «новочеркасские клалы» (некоторые дополнения к проблеме)//Памятники предскифского и скифского времени на Юге-Восточной Европы. МИАР. № 1. – С.40-56.
11. Эрлих В. Р., Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская

- группа памятников. — М.: Наука, 2007. — 430 с.
12. Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. — М. 1994. — 145 с., ил.
 13. Дударев С.Л., Пелих А.Л. К вопросу о колесницах VIII-VII вв. до н.э. из Прикубанья // Материалы заседания, посвященного 30-летию научно-творческой, педагогической и общественной деятельности школы академика В. Б. Виноградова. — Ч. 2. — С. 7-10.
 14. Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). — Армавир, 1999. — 401 с.
 15. Белинский А.Б., Дударев С.Л. Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала эпохи раннего железа – Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2015. — 446 с.; ил.
 16. Техов Б.В. Тайны древних погребений. — Владикавказ: Проект-пресс, 2002. — 512 с.
 17. Техов Б.В. Изображение колесницы на гравированном поясе из Тли//Донская археология. № 1. — С.57-61.
 18. Куфтин Б.А. Археологические раскопки в Триалети. I. Опыт периодизации памятников. — Тбилиси, 1941.
 19. Техов Б.В. Скифы и Центральный Кавказ в VII-VI вв. до н.э. — М.: Наука, 1980. — 93 с.
 20. На Северном Кавказе указанные предметы имеют только одну точную, но внекомплексную, аналогию – из несанкционированных раскопок из все той же Кабардино-Балкарии (сообщение В.Н. Котлярова).
 21. Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром – Грозный, 1991. — 154 с.
 22. Техов Б.В. Кобано-тлийское графическое искусство. — Владикавказ-Цхинвал, 2001. — 315 с.
 23. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 519 с.
 24. Погребова М.Н., Раевский Д.С. Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями. — М.: Восточная литература, 1997. — 152 с.
 25. Техов Б.В. Тлийский могильник. III (комплексы второй половины VII-VI в. до н.э.) — Тбилиси: Мецниереба, 1985. — 69 с., ил.
 26. По Б.В. Техову, эти представления связаны с индоиранскими корнями и отражают включенность кобано-тлийских древностей в ираноязычную общность. Позднебронзовая культура Центрального Кавказа была создана киммерийцами, скифами, савромато-сарматами (Техов Б.В. Кобано-тлийское графическое искусство. — С.188). Нашу оценку этого мнения см.: Дударев С.Л. Еще раз об этнической принадлежности кобанской культуры//Эпоха раннего железа. — Киев-Полтава, 2009. - С.135-141.

ОБРАЗ БАРАНА В ПРЕДМЕТАХ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ С СИММЕТРИЧНОЙ КОМПОЗИЦИЕЙ

ВОЛЬНАЯ ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник
Институт истории и археологии РСО-Алания

Симметричные композиции с изображением фигур животных направленных в противоположные стороны от центра были распространены в эпоху бронзы и раннего железа на Ближнем Востоке в ассирийском, шумерском, фригийском искусстве (1, рис.21, с. 67-69; 2, р. 89, tabl. 88; 3. foto.186-187, р.128-129 и др.). Чаще всего изображались фигурки козлов. Центром композиции выступает Мировое древо. Иногда из таких композиций «выпадала» центральная часть, и они превращались в двухчастную композицию из животных, направленных в противоположные стороны. Центральная часть могла заменяться в таких композициях на булавках, культовом посохе, кинжале и др. вертикальным элементом-стержнем, где композиции с копытными выполняли функцию наверший.

Наиболее ранними предметами с изображением образа барана в такой композиции являются: эламская каменная подвеска (Табл.2,1), иранский керамический сосуд II-I тыс. до н.э. (Табл.2,2), китайский бронзовый церемониальный сосуд – зун династии Шан XIII-XI вв. до н.э. (Табл.2,3).

Для центрального варианта кобанской культуры с территории Центрального Кавказа (современные Северная и Южная Осетия) характерны двухчастные композиции симметричные композиции с объёмным изображением рогов, голов и протом баранов, направленных в противоположные стороны. Изображение барана от других животных отличают с закрученные в волюты рога по обеим сторонам от головы. Образ барана один из самых распространённых в центральном варианте кобанской культуры. В других культурах и на других территориях такого массового изображения баранов не встречается. По-видимому, это связано с тем, что в эпоху поздней бронзы и раннего этапа раннего железного века разведение

мелкого рогатого скота играло в хозяйстве горных племён этого района значительную роль [4, с. 12]. На территории Центрального Кавказа известно 22 предмета с такими композициями XII - V вв. до н.э.

Наиболее ранние стилизованные изображения голов баранов, направленные в противоположные стороны известны на двух аналогичных кобанских булавках с пятью умбонами (XII в. до н.э.) из мог. Верхняя Рутха (Табл.1,1-2). Сдвоенные головки барана встречаются также на булавках раннего железного века из Анатолии, Самдало и Урцекского могильника (VII – VI вв. до н.э.) (Табл.2, 7-8).

Такие композиции в VIII-VI до н.э. появляются на подвесках Центрального Кавказа. Со ст. Казбек происходит бронзовая подвеска также с пятью умбонами и стилизованными головами баранов на её стержне, как и на булавках из Верхней Рутхи (Табл.1,3). Другие подвески, представляющие собой парные протомы баранов (голова с шеей), встречаются в Кобанском мог. (Табл.1,5), в «крематории» мог. Верхняя Рутха у с. Кумбулта (Табл.1,6), в местечке «Биайы Хъауу» к северу от Квайсы (Табл.1,4).

Известна привеска с протомами барана и осла с ногами из с. Кумбулта (Табл.1,10). Близкой аналогией этому предмету является привеска из Луристана VIII-VI вв. до н.э. (Рис.2,10), а также две этруssкие привески VI в. до н.э. из местечка Пичено (Италия) (Табл.2,12.13) и ещё одна, аналогичная им, датируемая 950 -750 гг. до н.э. из Британского музея (Табл.2,11).

Симметричная композиция с двумя головами баранов известна также на пряжках с крючками (поясных или портупейных) из Кобанского могильника (Табл.1,11-12). Первая из пряжек - ромбовидной формы с двумя головами баранов, вторая в виде голов двух баранов соединённых вместе в области рогов.

Но наиболее часто симметричная композиция из пары голов, протом или рогов баранов, направленных в разные стороны от центра, встречается территории Южной Осетии на втульчатых наконечниках и навершиях ритуальных шестов (жезлов или посохов). Всего известно 12 экз. 9 экз. – со

ст. Казбек, по одной из пог.41 Тлийского мог., Садзегури и Гори (Табл. 2, 7-9, 13-19, 21-22).

Навершия с головами баранов в симметричной композиции известны в Ордосе (Табл.2,4), а также этруском некрополе Казале-Мариттимо (Табл.2,5) конца VIII - начала VI вв. до н.э.

Навершия и наконечники ритуальных шестов с изображением голов баранов часто снабжались колокольчиками. Аналогии таким жезлам встречаются в традиционной культуре осетин. В Осетии был особый «небесный шест» (арвгъил) с подвешенной козлиной или бараньей шкурой, который употреблялся в культовой обрядности, связанной с «грозовым» божеством Уацилла. С этим шестом подростки обходили соседнее селение во время засухи, исполняя при этом с ритуальные песни (5, с. 144).

Использование ритуального шеста с металлическим звенящим навершием звенящего элемента в качестве наблюдалось мной в 2014 г. во время службы в церкви монастыря армянского католического монашеского ордена Мхитаристов на острове Сан-Ладзаро-дельи-Армени Веницианской лагуны, сочетавшей в себе как элементы католического обряда, так и традиционные армянские.

Шест с навершием отражает мифологический архетип, вселенского мирового дерева, объединяющее все сферы мироздания, где шест (ствол) соотносится с земным миром, а навершие (ветви) соотносятся с небом. По вертикали обнаруживаются противопоставления [верх-низ, небо - земля, земля - нижний мир, огонь (сухое) - влага (мокрое) и другие], с достаточной полнотой и точностью идентифицирующие мифологические персонажи и мир, в котором они действуют. Обычно по обе стороны от ствола находятся чаще всего симметричные изображения копытных и (или) человеческих фигур. Вся последовательность элементов по горизонтали воспринимается как сцена ритуала, основная цель которого - обеспечение благополучия, плодородия, потомства, богатства. Сам же ритуал может трактоваться как прагматическая реализация мифа, проекция "мифологического" в сферу

"ритуального" (6, с. 398 – 399). Учитывая, что в осетинском нартовском эпосе и осетинских сказках баран чаще всего упоминается как жертвенное животное (7, с. 85), то его изображение на наконечниках и навершиях церемониальных шестов вполне оправдано. Изображение барана в подобных композициях у разных народов, по-видимому, также связано с использованием этого животного в качестве культовой жертвы.

Сущность сдвоенных изображений барана в культовых церемониях перекликается с функцией барана в осетинских народных сказках, где баран выступает медиатором, существом с помощью которого, главный герой совершает перемещение между мирами (8, с.251; 9, с.274). Белый (правый) баран при прикосновении к нему персонажа должен был переместить героя на землю из подземелья, чёрный (левый) баран швыряет героя в подземный мир. Соответственные перемещения происходят при прикосновении героя к правому или левому рогу барана. В некоторых сказках указывается, что «...два барана стояли рядом головами в разные стороны» [9, с.274]. Смысл выбора левого или правого, чёрного или белого барана, правого или левого рога состоит в счастливом или неудачном выборе, о счастливом случае» (10, с.170; 11, с.28).

Такая оппозиция размещения чёрного и белого камней прослеживается во втором и пятом культовых комплексах (V в. до н.э.) поселения кобанской культуры Саур. В обоих случаях чёрный камень находился справа, а белый – слева. Такое размещение не является случайным и может соответствовать, в частности, оппозиции верхнего и нижнего мира, мужского и женского начал (12, с.102, рис.1).

Со ст. Казбек известны наконечники культовых посохов с колокольчиками, со сдвоенными противоположно направленными головами баранов, на которые помещены антропоморфные персонажи. На двух из них размещено по антропоморфной фигурке с длинным предметом и руном в руках, а на третьем – конный всадник (Рис.2, 7-9). Возможно, что в этих композициях представлен сказочный сюжет с перемещением героя из одного

мира в другой с помощью двух баранов. Изображения всадников на площадке из двух рядов концентрических окружностей имитирующих руно и рядов из голов баранов по сторонам от всадников известны на бронзовых «эгретках» V-IV вв. до н.э. из Западного Закавказья: Нижние Эшеры, Бомборская поляна и из Кавказа (Табл. 2, 17-18, 20). Обращает на себя внимание наличие колокольчиков на них, а также «эгретке» из с. Ачандары (Табл. 2, 19) как и на навершиях культовых посохов со ст. Казбек (Табл. 1, 7-9).

В кобанском искусстве известен лишь один бронзовый кинжал со ст. Казбек с навершием в виде голов двух хищников, держащих во рту сдвоенных протомы баранов (Рис.2,13). На навершии кинжала однозначно изображена сцена терзания, и баран представлен как жертва божеству. Вполне вероятно, что изображение барана как жертвы божеству понималось и на других предметах с аналогичной композицией. Головы баранов по бокам подлокотника, завершающегося головами кошачьих хищников из Келермесского кургана (Табл.2,15), видимо, проецируют эту же идею «священной жертвы».

Расположение противоположно направленных голов баранов от центра встречается также на золотой колчанной застёжке и золотых подлокотниках трона известно из Келермесских курганов конца VII-начала VI вв. до н.э. Раскопки Д.Г.Шульца (Табл. 2, 14-15); золотой обкладке рукояти кинжала ахеменидского периода из Ирана (Табл.2, 16), а также на железных трёхпетельчатых псалиях из Герайон Самоса VI в. до н.э. (Табл.2, 6).

Симметричные композиции с изображением баранов, направленных в противоположные стороны от центра, в кобанской культуре отражают универсальную идею Мирового древа, которая была известна в эпоху бронзы - раннего железного века и у других народов Евразии. Бараны в таких композициях из памятников Центрального Кавказа отражают оппозицию: левое-правое, чёрное-белое, зло – добро, неудача – успех; выступают в качестве культовой жертвы; иллюстрируют сюжет о перемещении героя.

Примечания:

1. Ривкин Б. Британският музей. София: Български художник, 1988.
2. Rizza A. History and treasures of an ancient civilization. The Assyrians and the Babylonians. 2007.
3. The association for the support and encouragement of the Museum of Anatolian Civilizations. № 1-2.
4. Дударев С.Л. Сборник научных работ Сергея Леонидовича Дударева. Статьи, материалы, рецензии. М.: Илекса, 2011.
5. Дзадзиев А.Б., Дзуцев Х.В., Караев С.М. Этнография и мифология осетин. Владикавказ: Терек, 1994.
6. Топоров В. Н. Древо Мировое // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 тт. - М.: Советская Энциклопедия. - 1980. - с. 398 – 406
7. Безымянный сын Урызмага // Сказания о нартах. М.: Советская Россия, 2000.
8. Матара, сын Даууая // Осетинские народные сказки. Перевод Г.А.Дзагурова. М.: Наука, 1973.
9. Авзонг-Цауайнон, сын бедного охотника // Осетинские народные сказки. Перевод Г.А.Дзагурова. М.: Наука, 1973.
10. Сын суки // Осетинские народные сказки. Перевод Г.А.Дзагурова. М.: Наука, 1973.
11. Баран и заяц // Осетинские народные сказки. Перевод Г.А.Дзагурова. М.: Наука, 1973.
12. Мошинский А.П. Культы поселения Саур в свете новых открытий // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 2016.

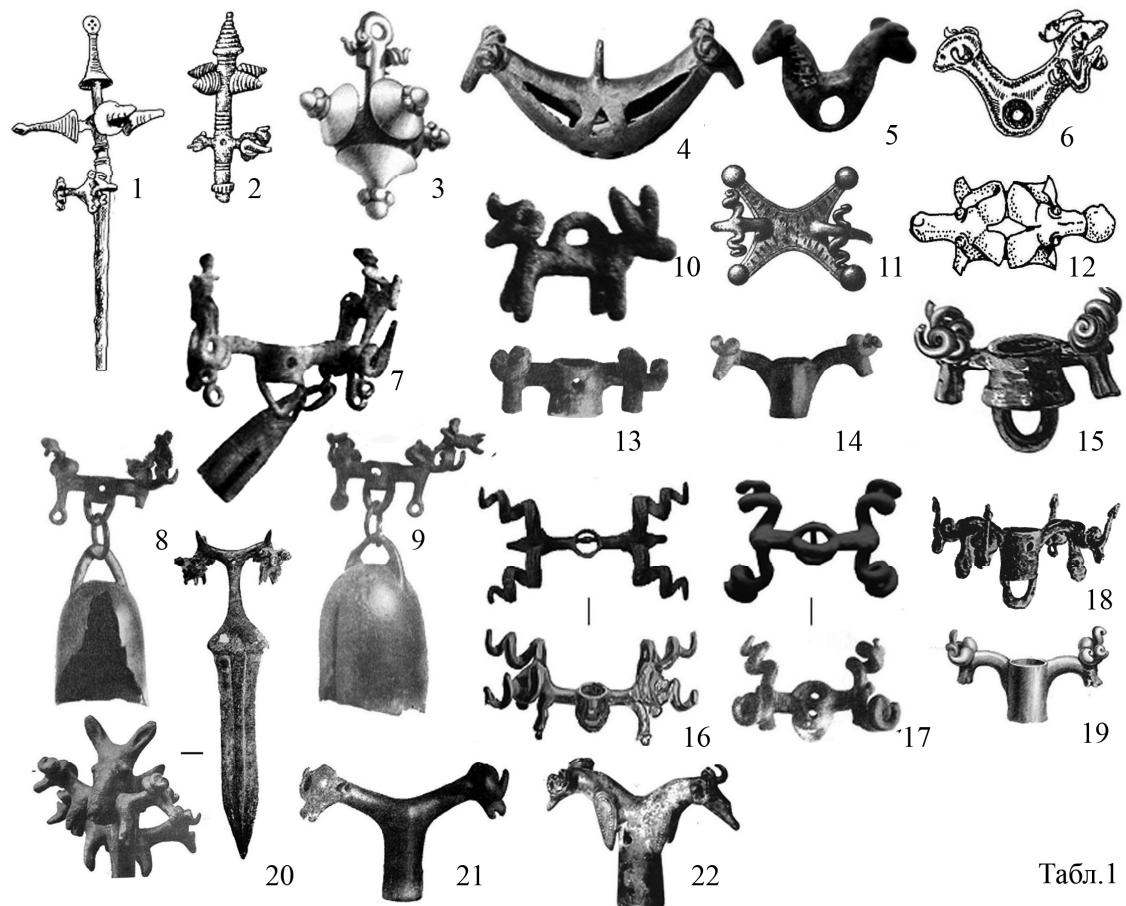

Табл. 1

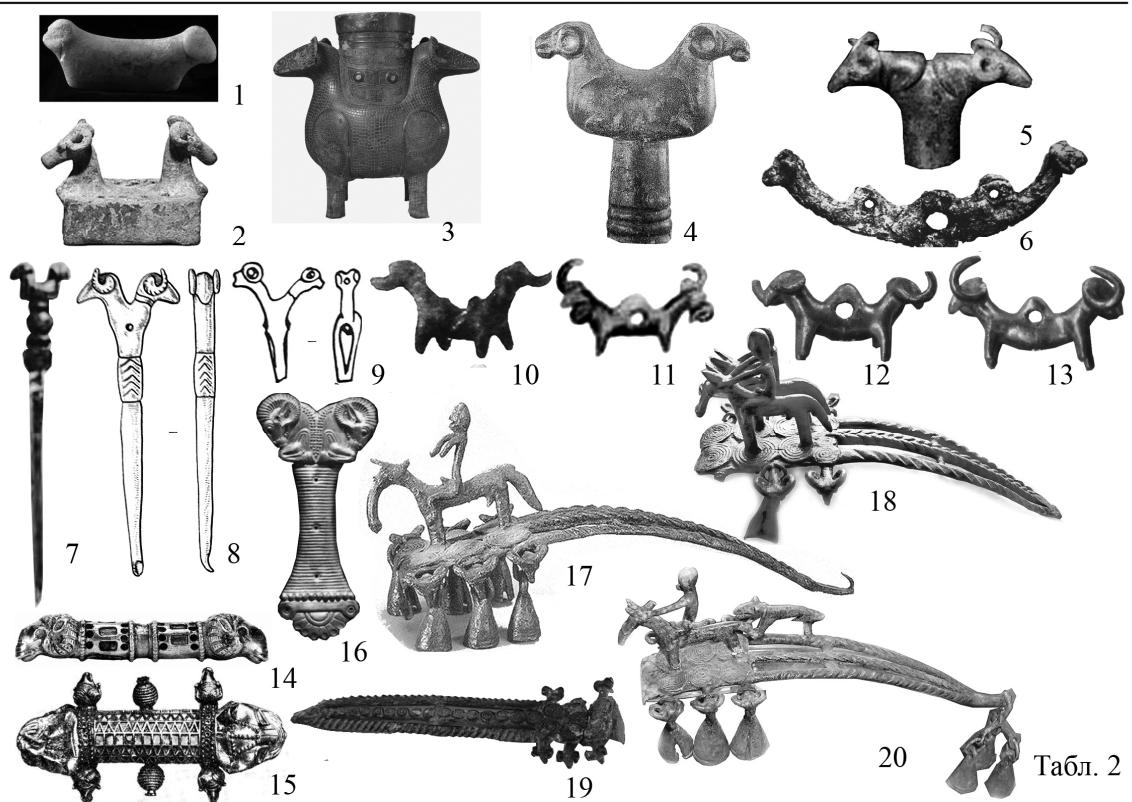

Табл. 2

**ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ
НА ТЕРРИТОРИИ МОГИЛЬНИКА №2 Х. ГОРЬКАЯ БАЛКА
В РАМКАХ ПРОВЕДЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ
СТУДЕНТОВ АГПУ 2016 Г.**

БАСОВ ИГОРЬ ИВАНОВИЧ

директор Центра археологических исследований,

Армавирский государственный педагогический университет

БЕРЕЗИН СЕРГЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ

специалист ЦАИ АГПУ

В рамках археологической практики студентов исторического факультета АГПУ состоялась экскурсия в х.Горькая Балка Новокубанского района. Во время осмотра Могильника №2 на полевой дороге была обнаружена разрушающаяся верхняя часть каменного ящика. В целях охранно-спасательных работ были проведены зачистка и исследование погребальной конструкции.

Данное сооружение было подвержено частичному разрушению под воздействием давления и оплывания грунтов, в связи с чем стенки конструкции были завалены на бок от первоначального положения. Погребальное сооружение представляло собой каменный ящик небольших размеров 0,9x0,4м. высота стенок около 0,2м, сложен из необработанных известняковых плит местного происхождения. Каменный ящик длинной осью ориентирован по линии юго-запад – северо-восток. Длинные стенки ящика сложены из одной длинной плиты около 0,5м., располагавшейся с западной стороны, и из нескольких более мелких камней, продолжавшихся с восточной стороны. Короткие стенки сложены из двух плит небольшого размера около 0,25м. с дополнениями из маленьких фрагментов камня.

После расчистки погребения тленов и пигментов обнаружено не было. Костяк погребенного не обнаружен, вероятно, истлел полностью или погребение являлось кенотафом. Какой-либо погребальный инвентарь не обнаружен.

Скорее всего, данное погребальное сооружение являлось детским, относилось к VIII-IX вв. Данная конструкция являлась стандартной для указанного могильника (В.Б. Виноградов, Е.И. Нарожный, А.Л. Пелих, П.В. Соков), и

показывает, что Могильник №2 не полностью изучен, и под воздействием природных и техногенных факторов подвергается разрушению.

НОВШЕСТВА В БЫТУ И КУЛЬТУРЕ АДЫГОВ, АБАЗИН, КАРАЧАЕВЦЕВ (вторая половина XIX - начало XX в.)

ИЛЮШИНА ЛЮБОВЬ ВИКТОРОВНА

магистрант

Армавирский государственный педагогический университет

Кубань традиционно является зоной активных межкультурных контактов. Во второй половине XIX века активизировались этнокультурные процессы на Северо-Западном Кавказе. Близкое соседство, экономические и хозяйственныe связи русских (крестьян и казаков) и горского населения региона наложили отпечаток на трансформацию материальной и духовной культуры данных этносов.

В области материальной культуры адыгов, абазин и карачаевцев появились новшества. В конце XIX и начале XX в. под влиянием русского населения серьезным изменениям подверглась планировка аулов и техника строительства домов. Так, в аулах появились широкие улицы; состоятельные горцы стали строить деревянные дома на каменном фундаменте, крытые черепицей или железом. На 1 января 1870 года горцами Лабинского округа было построено 350 домов русского типа. В абадзехских аулах в конце XIX века многие дома были крыты железом. Резко сократилась площадь, занимаемая главным двором и хозяйственными постройками, большая часть территории усадьбы стала отводиться под сады и огороды, кукурузные делянки. Отсутствие военной опасности стимулировало горцев строить дома не в глубине двора, а ближе к линии улицы [1, 2].

Сильное влияние на ослабление этнической замкнутости кавказских народов, а особенно на изменения в одежде горцев оказала городская культура. Горцы, а особенно горянки, стали проявлять интерес к русской одежде и перенимать покрой платья, русскую обувь, головные уборы. Национальные костюмы, особенно женские, стали изготавливать из привезенных фабричных тканей: будничные – из ситца и шерсти, нарядные – из шелка, шерсти и бар-

хата. Горянки приобретали ботинки, чулки, различные украшения (ленты, тесемки, запонки) [3].

О широком употреблении горянками русской одежды и фабричных тканей свидетельствует отрывок из произведения Адиль-Гирей Кешева «На холме»: «с тех пор как русские подсуседились, бабы наши слишком пристрастились к пестрым тряпкам, чего не бывало в старину» [4].

Абадзехские девушки вместо островерхих шапочек – колпачков с фатой, которые они носили теперь только по праздникам, в будни покрывались, по примеру казачек, ситцевыми платочками [5].

И. Щукин, посетивший верховья Кубани в начале XX в., отмечал: «на абазинских женщинах очень часто можно видеть вместо национального костюма, обычное «городское» платье, которое скупается горскими евреями в городах и перепродается местным щеголихам» [6].

Даже у мужчин появилось стремление к своему национальному костюму добавить какую-либо деталь русского туалета, например, кожаные галоши или суконное пальто офицерского покроя с металлическими пуговицами, которое они надевали поверх черкески. Черкески стали шить часто из покупного фабричного сукна. В годы Первой мировой войны горцы активно используют в быту военную одежду (солдатские шинели, гимнастерки, брюки-галифе). Изменяется форма папахи, ее стали делать более низкой; такой головной убор получил название «кубанка». Меняется покрой бурки, которую начинают шить с более широкими плечами.

Но все, же в целом горский мужской костюм во второй половине XIX - начале XX в. сохранился без существенного изменения. Это, по-видимому, объяснялось тем, что мужская одежда народов Северного Кавказа, выработанная столетиями с учетом географических условий, занятий, образа жизни и национального характера, вполне отвечала требованиям жизни горцев.

Для пищи характерна тенденция сохранения национального колорита. Однако она целиком зависела от продуктов, получаемых от местного сельского хозяйства, а также привозных. Горцы заимствовали у русских более

совершенные методы обработки земли и орудия труда. На смену деревянной сохе пришли железные плуги, которые горцы покупали у русских. Землю стали пахать усовершенствованными плугами. Уборка хлебов производилась косами русского типа, которые были намного удобнее горских грубых кос. С 70-х годов XIX в. начали применяться и более усовершенствованные орудия: веялки, жатки, сеялки, сенокосилки, усовершенствованные бороны, сортировки, паровые и конные молотилки [7].

В земледелии стало наблюдаться большее разнообразие культур. Если раньше черкесы, абазины и карачаевцы сеяли почти исключительно одно просо, то с течением времени все большее распространение получали пшеница, кукуруза, подсолнух и пр.

В отчете за 1881 год отмечается рост посевов у горцев ржи и особенно кукурузы, «которая обращается в продажу не только на заводы Кубанской области, но и на заводы Ставропольской губернии [8].

К концу XIX века большое распространение у горцев получила пшеница, также идущая и на заводы, и на вывоз. В связи с появлением маслобойных заводов увеличились посевы подсолнуха.

Кроме хлебопашства, черкесы и абазины занимались огородничеством. Огороды были небольшие, расположенные обычно в самом ауле. Для ограждения от потравы их часто обносили срубленным терновником. Основными огородными культурами были лук, чеснок, редька, красный перец, морковь, бобовые [9].

На огородах горцев в результате контактов с казаками появились картофель и капуста, которых ни черкесы, ни абазины, ни карачаевцы не знали. Об этом, кстати, свидетельствует и факт отсутствия в языках указанных народов самостоятельных названий этих культур. На бахчах появились арбузы и дыни, которые также называются русскими названиями [10].

Таким образом развитие культуры земледелия позволило разнообразить пищу адыгов, абазин и карачаевцев. В употребление вошли ранее не использовавшиеся овощные блюда. Горянки стали использовать подсолнечное мас-

ло и свеклу, делать квашеную капусту и даже готовить борщ. Адыги чаще стали употреблять картофель, капусту, свеклу, расширилось потребление кондитерских изделий, чая и сахара. Появление в горских домах русских печей привело к вытеснению национального блюда – круто сваренной просяной каши – пшеничным хлебом домашней выпечки [11].

Влияние российского общества на горские народы сказалось не только на изменениях в хозяйстве, материальной культуре, но и в вопросах, связанных с народным образованием. До включения адыгов, абазин, карачаевцев в состав Российской государства здесь имелись только мусульманские религиозные школы (медресе), находившиеся в руках духовенства и феодальной знати. Все образование сводилось к механическому заучиванию Корана, написанного на арабском языке. Они не давали никаких практических знаний.

Первые русские школы возникли на Северном Кавказе в XVIII в. В 1778 г. в Екатеринодаре было открыто первое училище, просуществовавшее до конца XIX в. Большую роль в культурной жизни горских народов сыграла Ставропольская гимназия, при которой был организован пансион, куда стали определять своих детей горские феодалы [12].

Накануне Октябрьской революции в Карачае, наряду с мусульманскими школами, имелось 11 начальных и одна одноклассная школа, в которых обучалось 450 человек. Школы, созданные в аулах, назывались окружными и начальными и работали они по специальному уставу, утвержденному в 1859 г. Окончившие начальную школу принимались во 2-й класс уездных училищ и гимназию [13].

В горских школах преподавание велось по программе русских школ, но, в отличие от последних, горским ученикам дополнительно преподавался курс мусульманского религиозного учения. Учащихся обучали в школе читать, писать, считать и знать четыре правила арифметики. Через школу, дававшую знание русского языка, ученики приобщались к русской культуре, приучались в некоторой степени к книге, у них воспитывалось стремление к дальнейшему получению образования [14].

Таким образом, отметим, что в результате широких контактов горского населения с русскими, традиционная культура кубанских народов обретала новые черты, как в области материальной, так и в области духовной культуры. Культурное взаимовлияние имеет два аспекта в жизнедеятельности народа: оно позволяет понять и принять другую этническую традицию и одновременно является важным моментом в самовосприятии собственного народа, созидании его новых культурных потребностей.

Примечания:

1. Очерки истории Карабаево-Черкесии с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т.1. – Ставрополь, 1967. – С. 552.
2. Невская В.П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. – Черкесск, 1956. – С. 139.
3. Там же. – С. 140.
4. Каламбий (Адыль-Гирей Кешев) На холме // Записки черкеса. – Нальчик, 1987. – С.148.
5. Цыбульникова А.А. Интеграционный потенциал влияния русской городской культуры на материальную культуру горцев Кубани во второй половине XIX – начале XX века // Дударев С.Л., Дударев Д.С., Ктиторова О.В., Цыбульникова А.А. Проблемы интеграции этнических сообществ в состав Российской государства и пути их решения (на примере Северного Кавказа). – Армавир, 2014. – С. 156.
6. Щукин И. Из поездок по верхней Кубани // Землеведение. Периодическое издание географического отделения им. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – М., 1914. – С. 33.
7. Невская В.П. Указ. соч. – Черкесск, 1956. – С. 124.
8. Там же. – С. 125.
9. Тхайцухов М.С. Очерки истории абазин конца XVIII – XX вв. – Сухум, 1992. – С. 22.
10. Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. – Ленинград, 1978. – С.126.
11. Лавров Л.И. Историко-этнографические мелочи // Сборник статей по этнографии Адыгеи. – Майкоп, 1975. – С. 78.
12. Очерки по истории Адыгеи. Т.1. / под ред. С.К. Бушуева. – Майкоп, 1957. – С. 558.
13. Очерки истории Карабаево-Черкесии... С. 559.
14. Там же. – С. 560.

П. ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО

СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

К ОЦЕНКЕ ВЗГЛЯДОВ ГРАФА Н. И. ЕВДОКИМОВА НА ПРОЦЕССЫ КОЛОНИЗАЦИИ И МУХАДЖИРСТВА НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ 60-Х ГГ. XIX В.

КЛЫЧНИКОВ ЮРИЙ ЮРЬЕВИЧ

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры историки и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Начало 60-х гг. XIX в. на Северо-Западном Кавказе было ознаменовано активизацией наступательных действий российских войск против «немирных» горцев. Следом за армией на Северо-Западный Кавказ устремились многочисленные группы переселенцев. За 1862 г. в Кубанской области появились 24 новые станицы, в которых разместилось 3904 семьи. Большинство из них уже в конце мая приступили к обустройству своего хозяйства на новых землях.

Естественно, что этот процесс вызвал сопротивление не только со стороны абадзехов, но и дружественных им племён с южного склона Кавказа. Убедившись в бесперспективности сопротивления отрядам регулярной армии, горцы усилили натиск на новые станицы и совершали частые нападения на тыловые коммуникации, обеспечить охрану которых было невероятно сложно из-за их протяжённости.

Действуя небольшими партиями, отряды черкесов почти всегда имели возможность ускользнуть от преследования и минимизировать свои потери. Но были и масштабные боестолкновения, в которых участвовало по нескольку тысяч человек. К их числу относятся нападение в мае 1862 г. на укрепление Григорьевское, атака на Хамкеты и станицу Псеменскую в июне 1862 г. В последнем случае горцы смогли ворваться за ограду поселения и лишь то,

что они увлеклись грабежами, позволило гарнизону при поддержке жителей выбить их за пределы станицы.

Находящийся на излечении минеральными водами в станице Ессентукской Н.И. Евдокимов был разгневан не столько самим фактом нападения, сколько безынициативностью местного начальства, допустившего подобное происшествие. Он потребовал увеличить число разъездов на передовой линии и лишить горцев их главного оружия – внезапности. Как только предписание графа стало добросовестно исполняться, ситуация нормализовалась и процесс колонизации успешно продолжился [1].

Надо отметить, что находилось немало желающих критиковать Николая Ивановича за имеющиеся издержки. Они отмечали, что от его шагов «страдали не одни войска, страдали и жители новых поселений, куда попали кроме казаков старых станиц кавказского линейного войска и поселяне внутренней России, не имевшие понятия о бивуачной жизни, а тем более подверженные постоянной опасности лишиться не только последнего своего имущества, но и жизни. <...> При таком печальном состоянии Залабинского края без сомнения следовало бы обратить внимание на облегчение от работ войск и успокоение новопоселённых жителей, не предпринимая ничего нового. Нужно было заняться надёжным ограждением и вооружением станиц, потому что большинство было без оконченных оград и вовсе не были вооружены. Нужно было прекратить напрасные частные тревоги, изнурительные скачки и распространение неточных сведений о неприятеле – сообразным отправлением кордонной службы, правильным расположением войск и положительным собиранием и рассылкою точных сведений о неприятеле» [2].

Все эти, безусловно, благие рассуждения, имели один серьёзный, даже фатальный недостаток. Они были неосуществимы на практике. Определённая хаотичность всегда присуща масштабным работам, в которых задействовано множество людей, вынужденных к тому же действовать в экстремальных условиях. Многие неурядицы возникали отнюдь не по недосмотру Николая Ивановича, а были следствием просчётов и нерасторопности нижестоящего

начальства. Непредсказуемый человеческий фактор хотя и вносил свои корректизы, но в целом не приводил к изменению задуманного плана.

Заслуга командующего заключалась в том, что он сумел проявить волю и выдержать определённый первоначальным замыслом график колонизации края. Любая задержка, пусть даже и объясняемая благими намерениями, приводила бы к новым, зачастую непредвиденным осложнениям. А потому «никакие доводы и убеждения частных начальников, что войска нуждаются в отдыхе, хотя непродолжительном, необходимом для приведения в некоторый порядок одежды и обуви, не принимались во внимание графом Евдокимовым» [3]. Всегда отличавшийся бережным отношением к солдатским жизням, на этот раз он сделал своим девизом высказывание «Пусть умрут на работе!», понимая, что только такой подход в итоге может спасти их от куда большего числа смертей.

То, что это его главное оружие, командующий не скрывал и от неприятеля: «Всмотритесь поближе в эти лопаты, мотыги и топоры, – говорил Евдокимов горцам, – ими я вас покорю» [4].

Критики генерала зачастую не обладали всей полнотой информации, которая объясняла ту поспешность, с которой действовал Н.И. Евдокимов. В условиях нарастания внешней угрозы, «после отрицания Англией самого права нашего владычества на Кавказе, после бесчисленных интриг и покушений Турции, после явного пристрастия, выраженного к черкесам французским посольством в Константинополе, мы не могли рассчитывать на время» [5]. Избавив сегодня своих подчинённых от изнурительного труда, завтра граф мог заплатить за это их жизнями.

Все эти события происходили на фоне весьма драматичных процессов, связанных с переселением части горских народов в Турцию. Н.И. Евдокимов считал полезным для будущей безопасности края, если его покинет наиболее беспокойная часть горцев, которая не желала принимать новых державных порядков. Не желая продолжения кровопролития, он видел наименьшим злом

переселение таких обществ за пределы страны и старался всячески форсировать этот процесс.

Со своей всегдашней прямотой он заявлял: «Первая филантропия – своим; я считаю себя в праве предоставить горцам лишь то, что останется на их долю после удовлетворения последнего из русских интересов» [6].

Такой подход разделяли далеко не все имперские чиновники, в том числе и служившие на Кавказе. Выдвигались опасения, что, перебравшись к османам, черкесы станут использовать турецким правительством в будущих войнах с Россией. А поселившись на равнинах Кубани, горцы со временем утратят былую воинственность и сделаются добрыми и верными подданными императора.

Полемизируя с такими доводами, Н.И. Евдокимов отмечал, что горцы уже давно могли бы переселиться на равнины, если бы имели такое желание. Но они не торопились подтверждать свою покорность реальными шагами. Что касается использования их турками в качестве орудия против России, то, по мнению генерала, «поставленные в другие условия, племена эти не составят грозной силы» [7].

Не обладая всей полнотой информации, граф, возможно, недооценивал масштабов начавшегося мухаджирства, на что ему указывало руководство из Тифлиса. Его призывали взглянуть на эту проблему «беспристрастно, не с точки зрения распорядителя действий в Кубанской области, а со стороны лица, ответственного за целый край и за все последствия предложенной меры...» [8]. Доказать правоту одной из сторон этого спора могло лишь время. Но, даже зная о произошедших впоследствии событиях, мы не можем однозначно оценить прозвучавшие аргументы. И уж тем более не могли это сделать современники, на плечах которых лежала неимоверная тяжесть ответственности за принимаемые решения, а цена ошибки выражалась человеческими жизнями.

Осознавая в полной мере весь трагизм происходящего, в одном из частных разговоров граф заметил: «Я писал графу Сумарокову, для чего он

упоминает в каждом донесении о замёрзших телах, покрывающих дороги? Разве великий князь и я этого не знаем? Но разве от кого-нибудь зависит отвратить это бедствие?» [9].

Видеть в произошедшем злой умысел против черкесов вряд ли справедливо. Как показывал опыт, любое переселение неминуемо сопровождалось человеческими жертвами. Так, в 1818 г. из 500 семейств виртембергских колонистов, общей численностью в 2629 человек, которые переселялись в Закавказье, за один год умерло от непривычного климата и болезней 588 поселян, т.е. больше пятой части [10]. Из более чем 48 тысяч переселенцев в Черноморию, которые пытались обосноваться здесь в 20-х годах XIX в. от скудной пищи и болезней с 1821 по 1824 гг. умерло 17 268 человек [11].

В тоже время администрация искала возможность найти необходимое число перевозчиков, которые должны были отправлять партии горцев-переселенцев в Турцию. Ещё за два года до окончания боевых действий, Николай Иванович, предвидя возможный исход части населения, ходатайствовал перед правительством о выделении для этого необходимых средств [12]. Но столь быстрого финала с такими драматическими последствиями не ожидал никто.

Горцы торопились избавиться от своих вещей, которые не могли увезти за море. Если раньше один только слух о возможном разоружении мог привести к массовому выступлению, то теперь ситуация кардинально изменилась. Оружие стало главным предметом торга, т.к. «горцы знали, что в Турции его носить не позволяют. Дорогие шашки в богатой оправе отдавались за бесценок – то, что прежде ценилось в 200, 300 рублей, здесь можно было купить за 30, 40 рублей. За древний, хороший клинок отдавали десятки рабов, сотни баранов, теперь же всё пошло прахом. С каждым днём прибывающие турецкие кочермы нагружались переселенцами. Горцы на воздух стреляли из ружей, прощаясь с родиной, где находились могилы их отцов и дедов. Некоторые, выстрелив в последний раз, с отчаянием бросали дорогое оружие в морскую пучину» [13]. Это было проявление психологического надлома,

свидетельствовавшего, что продолжать вооружённую борьбу большинство черкесов уже не в состоянии.

Для отправки желающих выехать в Османскую империю использовались самые разные типы судов, которые зачастую были к этому не приспособлены, да и шли с серьёзным перегрузом. Результатом стала высокая смертность среди «мухаджиров», когда по самым приблизительным подсчётам из полумиллионного потока устремившихся к «райским турецким кущам» не пережила дорогу пятая часть выходцев с Кавказа. Пунктами приёма с османской стороны были Стамбул, Синоп и Трапезунд, но на практике многие судовладельцы ограничивались тем, что высаживали своих пассажиров в самых разных местах азиатского берега [14].

Не поддавшиеся вспыхнувшему массовому психозу горцы были размещены на равнинах Кубанской области и достаточно успешно адаптировались в новых geopolитических реалиях. Среди них выделялись бжедухи, которые уже имели устойчивые историко-культурные связи с русскими поселенцами и меньше остальных выразили желание покинуть свою Родину. В дальнейшем они станут ядром формирующейся адыгейской народности [15].

При всём драматизме произошедшего представляется, что альтернативой такому исходу могло быть лишь продолжение боевых действий в крае. Прагматик граф Н.И. Евдокимов допустить подобного развития событий не мог, а потому его шаги следует оценивать лишь исходя из осознания этого факта.

Примечания

1. Ореус И.И. Граф Николай Иванович Евдокимов (1804-1873) // Русская старина. – 1889. – №11. – С.396-397.
2. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003. – С.539-540.
3. Там же. – С.544.
4. Венюков М.И. Кавказские воспоминания. 1862-1863 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб.: ООО «Издательский дом журнала “Звезда”», 2000. - С.632.
5. Фадеев Р.А. Кавказская война. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – С.153.
6. Там же.
7. Цит. по: Ореус И.И. Указ. соч. – С.398.
8. Там же. – С.401.

9. Фадеев Р.А. Указ. соч. – С.187.
10. Романовский Д. Кавказ и Кавказская война: Публ. лекции, прочит в зале Пассажа в 1860 г. Ген. Штаба полковником Романовским. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: Ист. очерк Кавказ.-гор. войны в Закубан. крае и Черномор. побережье. – М., 2004. – С.203.
11. Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827). – Ессентуки, 1999. – С.109-110.
12. Фадеев Р.А. Указ. соч. – С.196-197.
13. Эсадзе С. Указ. соч. – С.380.
14. Кравцов И.С. Кавказ и его военачальники: Н.Н. Муравьев, князь А.И. Барятинский, граф Н.И. Евдокимов. 1854-1864. – М.: «Индрик», 2007. – С.50.
15. Матвеев О.В., Ракачёв В.Н., Ракачёв Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2003. – С.43.

О ДЕЙСТВИЯХ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА НА РУБЕЖЕ 20-30-Х ГГ. XIX ВЕКА

*ТКАЛЕНКО НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ
студент исторического факультета,
Армавирский государственный педагогический университет*

2 сентября 1829 года завершилась российско-османская война (1828-1829 гг.), был подписан Адрианопольский мирный договор, по которому турецкий султан уступил России Северо-Восточное Причерноморье и Северо-Западный Кавказ. Однако Османская империя не смирилась с потерей своего влияния в данном регионе и развернула активную деятельность. Цель данной работы рассмотреть политику Турции на территории Северо-Западного Кавказа в конце 20-х - начале 30-х гг. XIX века. Источниками послужили документы, опубликованные в Актах Кавказской археографической комиссии (АКАК).

Граф К.В. Нессельроде в своем отношении к графу И.Ф. Паскевичу отмечал, что турецкое правительство особенно в последние годы владычества в регионе, еще до Адрианопольского мира, всячески старалось привлечь горские народы на свою сторону. С этой целью на Северо-Западный Кавказ доставлялась соль по низкой цене, а также богатые подарки для знатнейших черкесов. В экономической политике в Закубанье Турция име-

ла преимущества перед Россией. В черноморских портах даже в периоды эпидемий не вводились карантины, и, самое главное, черкесы могли торговать с восточным покровителем невольниками, что приносило им высокий доход [1].

А.Д. Панеш отмечает, что Северо-Западный Кавказ в течение длительного времени находился в сфере влияния Турции и поддерживал с ней торгово-экономические связи [2]. По сведениям российских источников, это сводило на нет усилия по развитию российско-горской торговли. Согласно им, «горцы довольствуются всем тем, что привозят на Турецких судах из Константинополя и Анатолии... а действия Анапского менового двора за последнее время имеет ничтожное количество товаров» [3]. Титулярный советник К. К. Родофиникин в отношении к графу М. С. Воронцову в 1830 г. отмечал, что упадок торговли России с горскими народами через меновые дворы происходил из-за постоянного прибытия турецких судов на Северо-Восточное побережье из Константинополя и «привезение черкесам всего необходимого по умеренным ценам» [4].

Российская сторона предпринимала меры по пресечению торговли Турции с закубанскими народами [5]. Но Османская империя, несмотря на Адрианопольский договор и последующие предупреждения не переставала направлять черкесам оружие, свинец, порох и др., тем самым вооружая и настраивая горцев на борьбу с Россией [6].

После морской блокады Черкесии, начавшейся в 1832 году, торговля Турции с горскими племенами все равно продолжалась. Но характер торговли изменился, вместо больших громоздких торговых кораблей к Северо-Восточному Причерноморью отправлялись небольшие судна, которые могли подойти к берегу незаметно, даже зайти в неглубокую реку. Только теперь турецких торговцев интересовали не мед и шкуры, а рабы, так как за дешевый товар рисковать жизнью никто не хотел [7].

Большое влияние на взаимоотношения сторон оказывал религиозный фактор. Турция издавна стремилась к насаждению мусульманской религии

среди закубанских народов. И в первой половине XIX века ислам стал пользоваться значительной поддержкой местного населения. Османское правительство стремилось придать религиозным настроениям черкесов антироссийский характер. Данные действия в 30-50-х гг. XIX века способствовали распространению мюридизма на Северо-Западном Кавказе [8].

Турецкие муллы и эфенди подстрекали горцев на сопротивление и борьбу с Россией [9]. Одной из наиболее влиятельных личностей в рассматриваемый период являлся паша Сеид-Ахмед, который старался свести на нет российско-горскую торговлю, распускал слухи о том, что земли Северо-Западного Кавказа по-прежнему принадлежат Турции, а не России. Но после соответствующих предупреждений российского правительства многие турецкие агенты покинули регион, в том числе и Сеид-Ахмед [10].

Однако были среди них и такие, которые выступали против кровопролития. Яркий пример тому – деятельность турка Исмаила Немчанова – главного эфенди мирных черкесов Черноморской кордонной линии. Он поселился среди адыгов в конце 20-х гг. и делал все возможное, чтобы рассеять ложные слухи в отношении России, употреблял «духовное влияние на умы прихожан», выступал переводчиком при тяжбах и разбирательствах, делал все возможное для прекращения вражды. За свой вклад в умиротворение региона он был награжден российским правительством золотой медалью [11].

В этот период турецкие власти положили начало длительному процессу мухаджирства закубанских народов. По 1 марта 1831 года всем желающим непокорным горцам было дано право переселиться на территорию Османской империи [12].

Таким образом, Турция стремилась сохранить свое влияние на Северо-Западном Кавказе и использовала для этого торгово-экономические, военно-политические и религиозные методы.

Примечания:

1. АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. «Отношение гр. Нессельроде к гр. Паскевичу, от 8-го апреля 1830 года». С. 891.

2. Панеш А. Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829-1864 гг.). — Майкоп: ОАО «Полиграфиздат «Адыгея», 2006. С. 43.
3. АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. «Отношение т. с. Родофиникина к гр. Воронцову, от 3-го июня 1830 года». С. 891.
4. АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. «Отношение т. с. Родофиникина к гр. Воронцову, от 29-го августа 1830 года». С. 893.
5. АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. «Отношение гр. Нессельроде к гр. Паскевичу, от 4-го ноября 1830 года». С. 894.
6. АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. «Отношение гр. Нессельроде к гр. Паскевичу, от 16-го декабря 1830 года». С. 897.
7. Епифанцев А.А. Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов? М. ООО «Маска», 2010. С. 86 – 87.
8. Панеш А.Д. Указ. соч. С. 43 – 44.
9. АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. «Письмо гр. Паскевича к Юсуф-эфендию, от...августа 1830 года». С. 894.
10. АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. «Рапорт н. с. Кодинца гр. Воронцову, от 29-го августа 1830 года». С. 893.
11. Пылков О.С. На службе России // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе. М.; Армавир, 2007. С. 99 – 102.
12. АКАК. Тифлис, 1878. Том VII. «Рапорт шт-к. Новицкого гр. Паскевичу, от 5-го декабря 1830 года». С. 895.

ИСТОРИЯ КРЕПОСТИ ПРОЧНЫЙ ОКОП

*КОЗЛОВ МИХАИЛ ВАЛЕНТИНОВИЧ
студент исторического факультета,
Армавирский государственный педагогический университет*

В условии заключения Кучук-Кайнарджийского мирного договора, 21 июля 1774 года сложилась непростая политическая ситуация между Турцией и Россией. Согласно этому договору, была признана независимость Крымского ханства. Но многочисленные агенты Османской империи возбуждали местное население против России. Дабы обезопасить южные границы империи, командующим Кубанским корпусом был назначен 29 ноября 1777 г. Александр Васильевич Суворов.

5 января 1778 года Александр Васильевич прибывает на Кубань. В одном из своих донесений генерал-фельдмаршалу П.А.Румянцеву Суворов пишет, что прежде чем приступить к командованию здешним корпусом, он желает «самолично обозреть положение сей земли». В одном из следующих до-

несений сообщает: «Поелико допустит время, по некоторым местам, поделав укрепления, занять нашими войсками по самой Кубани, протягивая тем самым оные к стороне Ташлы против Моздокской линии, и тем бы учинить преграду горцам к сообщению с ногайцами...» [2].

Итак, в 1778 году Александр Васильевич Суворов принимает решение о строительстве вдоль реки Кубань цепи сторожевых укреплений, от Чёрного моря до Ставрополя. Сформировав две «работные армии» в 700 человек, Суворов приступает к строительству укреплений, составивших Кубанскую кордонную линию в 540 вёрст, состоящую из 9 крепостей и 20 фельдшанцев [3]. Последней расположенной непосредственно на правом возвышенном берегу Кубани находилась крепость Царицынская. Располагалась она в северо-восточной части Краснодарского края на правобережье реки Кубань, близ современного Армавира. Начиная с неё, линия крепостей поворачивала на северо-восток и уходила дальше, по Ставропольской возвышенности. Гарнизон Царицынской крепости состоял из двух драгунских эскадронов Астраханского полка и гренадёрской роты Нижегородского полка. Каждая рота и эскадрон имели по два орудия [1].

После завершения строительства Суворов докладывал: «набросили узду на закубанских черкесов». Также сообщал, что заречные жители живут спокойно и дальнейших набегов не ожидается. На этом деятельность командующего на территории Кубани была завершена. 17 апреля 1778 г. он сдал командование Кубанским корпусом полковнику Одоевскому и отбыл в Крым. На Кубани Александр Васильевич Суворов пробыл всего 106 дней, но уже за это время смог познакомиться с местными народами, возвести линию сторожевых укреплений и самое главное установить мир у юго-восточных границ империи [3].

В 1779 году султан признал территорию Крыма независимой, но Россия была обязана вывести все войска с Прикубанья, Тамани и Крыма, в результате чего все укрепления, в том числе и крепость Царицынская, были

разрушены. Хотя Царицынская и просуществовала всего несколько месяцев, но оставила яркий след в истории отражения турецко-крымской агрессии.

Однако, спустя несколько лет вновь стали возводиться укрепления, дабы обезопасить новые границы Российской Империи. Новым командиром Кавказского корпуса был назначен П.С.Потёмкин, которому было поручено возвести новую линию от крепости Екатериноградской на реке Малке до реки Лабы, впадающей в Кубань. Среди тех, кто проектировал и руководил возведением линии укреплений, был полковник И.И.Герман, который в 1784 году воздвиг на Кубани крепости Преградный Стан и Прочный Окоп [4].

Изначально, Прочный Окоп был всего лишь редутом, но уже через 10 лет, в 1794 году под руководством И.В.Гудовича редут был преобразован в крепость, которая стала одной из крупных на Кубанской линии [2].

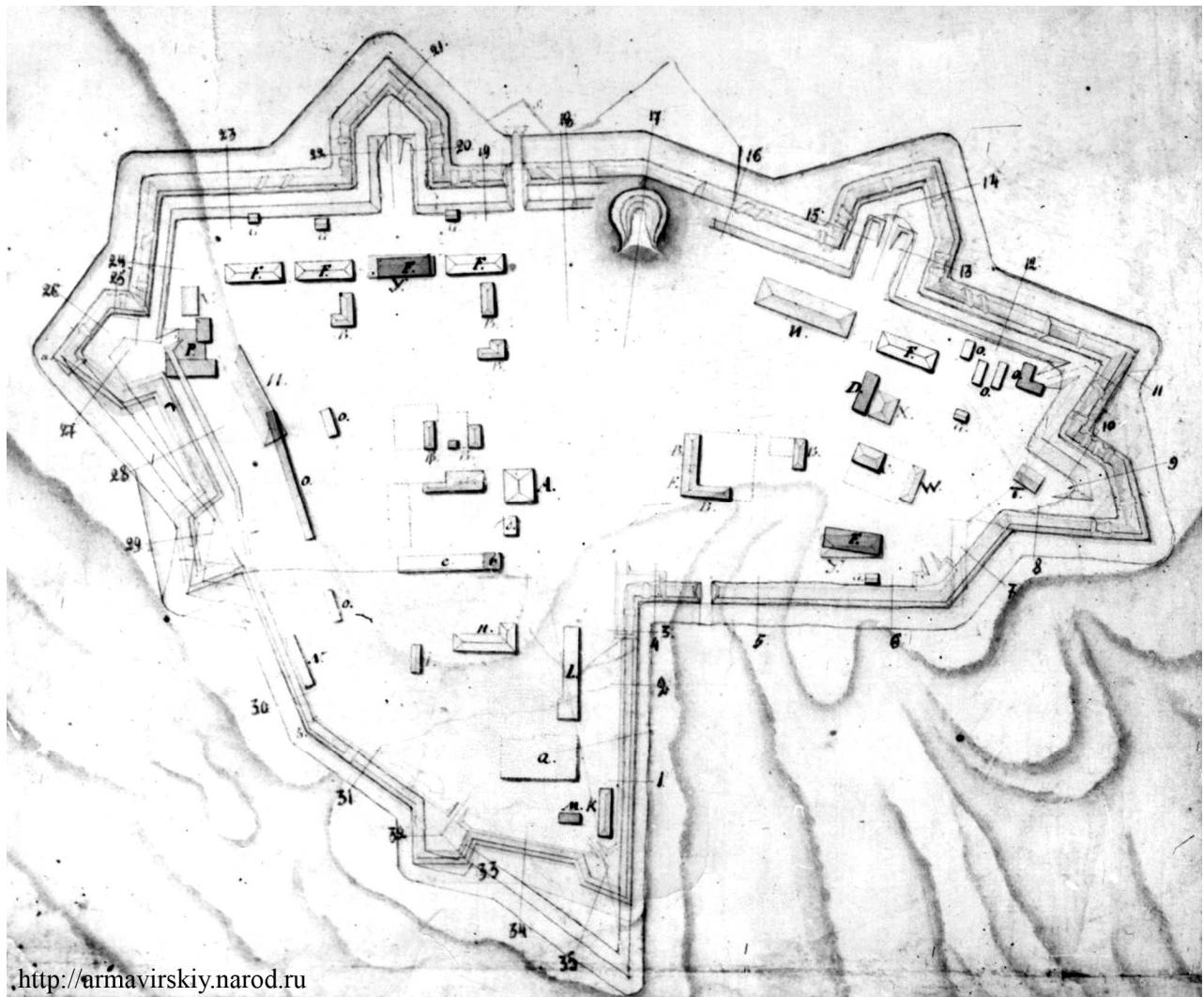

Рис. 1 Схематический план крепости Прочный Окоп (1803 г.)

Прочный Окоп был воздвигнут именно на том месте, где несколько лет назад находилась крепость Царицынская. Однако некоторые историки считают, что крепость Царицынская находилась ниже по течению реки на 20 километров.

Сам же Прочный Окоп был преимущественно земляной крепостью и имел форму неправильного прямоугольника треугольными выступами-бастионами и полубастионами. В полых бастионах имелись амбразуры для стрельбы из орудий, а также бойницы – отверстия для ружейной стрельбы. Чтобы выйти на линию огня к бойницам, солдаты поднимались по земляным ступеням, которые назывались банкетом [2].

Протяжённость крепости с северо-запада на восток – 480 метров, с севера на юг - 400 метров. По чертежу 1803 года на территории крепости было 38 строений: дом войскового начальника, восемь домов обер-офицеров, дом инженерной команды, частный маркитанский дом, военные и пищевые склады, дом для артиллерийских офицеров, «гошпиталь, при оной кухня», артиллерийские сараи, собственные солдатские землянки, провиантские бункера, пороховой каменный погреб на 300 пудов пороха» [4].

Дабы усилить защищённость новых границ и начать экономическое освоение новых территорий, правительство Екатерины II в 1792 году решает переселить на правобережную Кубань казаков. И.В.Гудович предложил усилить пограничную линию вооруженным населением, чтобы обезопасить от неприятеля свободное пространство. Предполагалось создание двенадцати казачьих станиц. Императрица распорядилась, чтобы в каждой станице насчитывалось не менее 200 семей [4].

В 1794 году в район укрепления Прочный Окоп, «за непокорность и возмущение», были сосланы 200 донских казаков при сотнике Чимигукове, которые поселились у подножия крепости и образовали станицу Прочно-окопскую.

Вследствие весеннего таяния ледников в горах станицу часто затапливало. Под напором вод казачьи хаты приходили в негодность. Большой

ущерб наводнения наносили приусадебному хозяйству казаков. Необычайно большой разлив Кубани произошёл в 1817 году, вследствие чего, по приказу генерала Ермолова, станица была перенесена на высокий правый берег за четыре версты, вниз по течению.

В это же время близ крепости Прочный Окоп возникает солдатская слобода «Форштадт» (ныне хутор Фортштадт), в которую селились солдаты и вышедшие в отставку офицеры.

В октябре 1834 года командующим Кубанской линией был назначен Григорий Христофорович Засс, который почти постоянно жил в крепости Прочный Окоп.

Из документов и материалов известно, что в крепости отбывали наказание, несли военную службу, бывали по делам многие политические, военные и государственные деятели, писатели и поэты XIX века.

Так, через крепость, с семьей прославленного генерала Отечественной войны Н.Н.Раевского, в 1820 году проезжал великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин. Часто встречались и бывали в крепости декабристы П.П.Беляев, А.Н.Одоевский, В.Н.Лихарев, М.А.Назимов, Н.А.Загорецкий и др. Здесь же проезжал с инспекцией знаменитый хирург Н.И.Пирогов. В Прочном Окопе также отбывали наказание многие участники польских восстаний 1830 г.

В 1918 году в крепости и на Фортштадте хозяйничали белогвардейцы. В первые годы Советской власти выдвигалась идея использовать крепостные здания под санаторий для лёгочных больных. Но, находясь в безнадзорном состоянии, они были быстро разобраны жителями станицы и посёлка для местных нужд [2].

Так печально закончилась история когда-то знаменитой крепости.

Крепость Прочный Окоп сыграла важную роль в истории Кубани и присоединённых к России прилегающей части Закубанья. Она имела неоспоримое стратегическое значение и на протяжении десятилетий оставалась наиболее значимым укреплением на Средней Кубани.

Примечания

1. Гончарова А.Н. и др. Армавир. Краснодар, 1983.
2. Иванов Е.М. Армавир - мой город родной (Аул - селение - город). Армавир, 1996.
3. Словьев В.А. Суворов. // Энциклопедический словарь по истории Кубани. / под ред. Б.А.Трехбратова. Краснодар, 1997.
4. Шаповалова Е.В. Память сердца: к 210-летию основания Старой Станицы. Армавир, 2015.

ИСТОРИЯ ГЕРБА ГОРОДА НОВОРОССИЙСКА

*ШЕВЕЛЕВ НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ
студент исторического факультета,
Армавирский государственный педагогический университет*

Своё начало геральдика Новороссийска берёт в 1909 году, когда был разработан первый проект герба этого города. Новороссийск имеет огромное значение в нашей стране, к тому же, этот город-герой является центром муниципального образования. Кроме того, он имеет огромную историю и не создать герб для него является оскорблением для его жителей.

Первый герб города Новороссийска, как упомянуто выше, пытались утвердить в 1909 году (Рис. 1). Герб должен был стать не только самого города, но и ещё гербом Черноморской губернии. Позже дело было направлено губернатором наместнику на Кавказе, для дальнейшего рассмотрения. Из рук наместника проект последовал в Герольдию, но там герб был отклонён. Описание: щит, рассечённый и пересечённый так, что образуется четыре поля, между которыми помещён малый щит. В малом щите помещается изображение серебряного креста на зелёном поле, полумесяца внизу, который символизирует царскую власть. В правом верхнем поле изображение парусного судна в натуральных красках на фоне голубого моря и неба. В правом нижнем червлёном поле три виноградных кисти лазоревого цвета. В левом верхнем серебряном поле 3 червлёные пчелы. В левом нижнем алом поле 2 меча с червлёными рукоятками, что последовательно символизирует мореходство и торговлю, виноделие, пчеловодство и присоединение края к империи военной силой.

Первый утверждённый герб Новороссийска появился в 1914 году 15 октября, когда Николай II утверждает его (Рис. 2). Описание герба является следующим: в золотом, с черной волнистой оконечностью, щите черный двуглавый, увенчанный императорской короною орел, со скипетром и державой в лапах, перед которым находится щиток. В червленом поле щитка золотой православный восьмиконечный крест, водруженный на серебряном опрокинутом полумесяце. Большой щит увенчан золотой с пяти зубцами башенной короной и украшен Андреевским крестом и лентой. Изображение в щите герба Новороссийска черной волнистой оконечности отражает географическое расположение города на берегу Черного моря. Православный восьмиконечный крест, водруженный на опрокинутом серебряном полумесяце и помещенный в червленом поле щитка, свидетельствует об исторической победе русского оружия черноморских берегах Северного Кавказа. Золотая пятизубцовая корона особого вида указывает на славные традиции, на историю города. Императорский орел, редкого для отечественной геральдики "николаевского" типа, подчеркивает то, что этот город основан в эпоху правления Николая I. Золотой цвет гербового поля означает власть, величие, силу разума, а также свет и духовность. Черный цвет символизирует покой и мудрость. Красный цвет (червлень) означает в геральдике мужество, жертвенность, праздник и красоту. Серебро - символ благородства, чистоты, справедливости и великодушия.

(Рис. 1)

(Рис. 2)

После Октябрьской революции герб 1914 года перестал быть символом Новороссийска. До 1968 года город оставался без герба пока не утвердили новый (Рис. 3). Герб представляет собой традиционный геральдический щит французского типа, разделённый по диагонали вниз справа налево орденской лентой Отечественной войны первой степени, которая символизирует боевые заслуги города в Великой Отечественной войне. Вверху орденская лента украшена цветком красной гвоздики — символом революционных традиций. В правом поле на лазоревой финифти изображён якорь, а в левом — на серебряной эмали часть шестерёнки, над которой находятся заводские трубы. Эти символы указывают на современную трудовую деятельность города. Якорь — город-порт [1].

(Рис. 3)

В 1974 году, к гербу 1968 года была добавлена орденская лента ордена Ленина, а также Золотая Звезда Героя, что символизирует звание города героя, присвоенное в 1973 году (Рис. 4).

(Рис. 4)

После герба 1973 года, герб Новороссийска практически возрождает свой первоначальный облик 1914 года (Рис. 5, 6), но изменений, которые меняли бы смысл описания нет. Исключением стали вид башенной короны, Российский флаг и маленький червлёный щит, на котором изображены не религиозные символы, а символы показывающие принадлежность города к статусу героя (Золотая Звезда Героя). Кроме того, осталась Александровская лента. Проект герба был утверждён решением городской Думы №81 от 1 июля 2005 года. Этим же решением принято также "Положение о гербе города героя Новороссийска" [2].

(Рис. 5)

(Рис. 6)

Последний проект герба (Рис. 7) утверждён был решением городской Думы города Новороссийска от 21 февраля 2006 года №180. Герб лишился два золотых якоря - Александровский крест и Александровскую ленту. Описание следующее: в золотом, с чёрной волнистой оконечностью, щите чёрный двуглавый, увенчанный Императорской Короной орёл, со скипетром и державою в лапах, на перстях коего щиток, в червлёном поле которого золотой православный восьмиконечный крест, водружённый на серебряном опрокинутом полумесяце.

(Рис. 7)

Герб любого города представляет собой некую частичку истории города. Так в смене гербов города Новороссийска можно заметить различные периоды и отдельные события. Здесь виден досоветский период в стране, завершившийся Октябрьской революцией, Великая Отечественная война. Эта та история, которую нельзя было не отобразить на данном гербе и эта та история, которую необходимо помнить каждому жителю этого прекрасного города.

Примечания:

1. Меликаев В. И., Сержана В.В. Каталог современных гербов городов, посёлков и сёл СССР. Мн., 1989-1991 гг.
2. Соболева Н. А. Гербы городов России. М., 1998. — 480 с.
3. Гербы и флаги. 2016 год // http://www.heraldik.ru/lists/gerbs_n.htm (дата обращения: 28. 06. 2016 г.).
4. Новороссийск // <https://ru.wikipedia.org/wiki/Новороссийск> (дата обращения: 28. 06. 2016 г.).

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ СЕЛА МАРУХА КАК ОТРАЖЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА К ПРАВОСЛАВИЮ В XX ВЕКЕ

ЛЫСЕНКО НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ

профессор, кандидат сельскохозяйственных наук, директор ГБПОУ КК «Вознесенский техникум пищевых производств»

ПЕЛИХ АЛЕКСЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ

доктор исторических наук, директор ГБПОУ КК «Армавирский механико-технологический техникум», профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета

С конца XVIII до начала XX вв. храмы и монастыри были духовной силой в деле освоения южных пределов Российской империи. Кроме основных, величественных культовых зданий, строились скромные, как правило, деревянные церкви. Со временем храмы превращались в своеобразный очаг духовной жизни казаков и крестьян, становились хранилищем военных регалий. Помимо культовой они выполняли и общественную функцию, звоном колокола собирая всех жителей крепости и солдатских поселений на общий сход [1, с.6].

Бурный рост церковного строительства на Северном Кавказе отмечался в последние десятилетия XIX в. и связан с окончанием т.н. Кавказской войны и массовым заселением региона православными выходцами из центральных регионов европейской части Российской империи.

По данным на 1896 г. в Ставропольской (Кавказской) епархии насчитывалась 421 церковь [1, с.22]. Одной из таких, к тому времени недавно возведенных, была церковь с. Маруха.

Судьбы поселений складываются по-разному. Одни из них располагаются на торговых путях, оказываются в центре бурных событий. Другие существуют тихо и незаметно. И историю многих, так сказать рядовых, населённых пунктов можно восстановить лишь по церковным документам. При храме велись: Приходская (Приходственная) книга, Метрическая книга, Книга Исповедных росписей, Обыскная книга [2]. В них отражались почти все стороны сельской жизни. Тем более, что приход и клир вместе переживали радости и горести непростой российской действительности.

К концу 1880-х гг. поселение Марухское уже более десятилетия существовало в Баталпашинском уезде (отделе) Кубанского казачьего войска, а своей церкви там не было. Но не из-за безбожности жителей. Наоборот, почти все они были выходцами из Полтавской губернии, где христианство издревле имело глубокие и прочные корни. Просто сказывались нищета и неустроенность переселенческой жизни. Первые годы женщин и детей всем скопом располагали в немногочисленных домах, а мужчины зимовали в стогах с сеном. И вот в 1889 году жители станицы Кардоникской безвозмездно передали в Маруху деревянную часовню. Напряжённые отношения между казачеством и крестьянством в период заселения Кавказа, возможно (по крайней мере в верховьях Кубани), сильно преувеличены. Во всяком случае, в вопросах веры царило полное единение. В 1901 году был обустроен иконостас, причём иконы для него заказывались хорошим мастерам [3].

Первым священником стал Гайворонский Иосиф Иванович [3]. Мы мало знаем о жизни настоятелей небольших храмов того времени. Будучи родом из Самарской губернии, он учительствовал в станице Беломечётской. Позже служил в Казанской церкви села Донская Балка, состоял казначеем-экономом в Ставропольской семинарии и дьяконом при Св. Дмитриевской церкви. Надо полагать, что батюшка с таким образованием и служебным списком вызывал уважение у прихожан, пользовался у них непрекаемым авторитетом. Тем более, что в наградных листах за ним числилось и множество поощрений. На содержание клира было положено 400 рублей от общества и столько же от казны. Но справедливости ради следует признать, что паства неохотно расставалась со своими кровными деньгами. Чаще священникам приходилось довольствоваться лишь государственным жалованием. Позже в церкви служили представители различных сословий: казаки, крестьяне, разночинцы.

Если настоятелями и пономарями становились люди приезжие, то церковные старосты избирались из среды уважаемых граждан села. Так, с 1907 года старостой работал Семён Степанович Шут [3]. Воспоминания о его по-

рядочности и человечности сохранились по сей день. С 1914 года этот пост занимал Дамиан Майфет [4]. Он был из крепкого и многочисленного семейства, большая часть которого пострадала в период революционных репрессий. Интересно, что церковная казна всегда находилась на попечении старост. Так продолжается и по настоящее время. И ещё – все характеристики на них были исключительно положительными. А ведь консистория никогда не скрывала недостатки своих служителей и требовала объективных аттестаций.

Православие неразрывно связано с просвещением народа. Уже в 1894 году при Казанской церкви открылась церковно-приходская школа [3]. Помещалась она в собственном здании и в ней училось 58 мальчиков и 14 девочек. Преподавателем состоял запасной военный писарь Александр Гиоргиеv, получавший от Уездного Отделения 120 руб. В 1910 году на содержании школы церковь выделила 300 рублей, от частных лиц поступило 60 рублей [5]. Обучалось 54 мальчика и 15 девочек. В церковной библиотеке находилось 105 томов книг, предназначенных для выдачи населению. В 1914 году в Марухе было уже два учебных заведения [5]. Дополнительно открылась Министерская сельская одноклассная школа. В церковно-приходской числилось 20 мальчиков и 26 девочек. Уменьшение числа обучающихся мальчиков, в сравнении с прошлыми годами, объясняется их переходом в новую школу и началом Первой мировой войны. Многие из них просто заменили воюющих отцов.

Интересно, что эстонцы, компактно проживавшие в северной части села, своей школы не имели. По обычаям протестантов, образованием детей занимались родители и изредка приезжавший педагог.

В дореволюционное время Казанская церковь не бедствовала. Ещё в XIX веке на её нужды община выделила 100 десятин земли. Из них 40 годились под сенокосы и 60 относились к неудобьям. Село располагалось в горах, вокруг практически не было участков, пригодных для пахоты. Вначале эти территории оказались не востребованными. Но постепенно число жителей увеличивалось (в среднем на 4 % за пять лет) и до них тоже дошла очередь. В

1910 году аренда земли давала 220 рублей прибыли, а в 1915 – 340. Еще выше был кружечный доход. В 1914 он составил 500 рублей.

После установления советской власти церковь не закрыли. Более того, прихожане участвовали в торжественных службах на источниках у Романова кургана, расположенного вдали от селения. На фотографии 1930 года видно, что это событие собирало тысячи людей с хоругвями и иконами (фото 1). Удивительно, что в период яростных гонений на религию власти терпели подобные акции, а люди имели мужество участвовать в них. Тем более, что почти одновременно в Марухе проходил первый окружной съезд Советов Марухо-Архызского округа КАО.

Фото 1. Крестный ход в разгар гонений на церковь. 30 годы XX века. Северный Кавказ

Во время фашистской оккупации служба в церкви была приостановлена. Причины этого неизвестны – гитлеровцы, как известно, отправлять религиозные культы не запрещали. Более того, при содействии (или при отсутствии запретов) немцев открывались храмы и монастыри, закрытые при Советской власти [6, с.55].

Но в 1944 году на открытие (или возобновление работы) храма потребовалось разрешение уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по Ставропольскому краю. Подобное согласование в СССР тре-

бовалось после того, как 28 ноября 1943 г. Совнарком принял постановление, согласно которому ходатайства верующих об открытии храмов рассматривались местными органами, а в случае их одобрения пересыпались в Совет по делам русской православной церкви, после предварительного решения которого поступали в Совнарком и затем снова в Совет [7, с.38].

С районным Советом Народных депутатов был заключён договор на передачу общине верующих церкви в бесплатное пользование. Избрали Церковный Совет, состоящий из 7 членов. Отметим, что чиновники проверяли прошлое кандидатов в этот негосударственный орган с большой тщательностью.

Но просуществовать долго храму не дали. В 1961 году, во время хрущевской антицерковной компании [8], по православным храмам России был нанесен удар, соперничающий по своей разрушающей силе с ударами первых десятилетий Советской власти. Старого священника отзвали, нового не назначали. Верующие писали жалобы в различные инстанции, но ответов не последовало. А в 1962 году церковь разрушили.

Интересно, что записей об этом событии в архивах Совета по делам религий не сохранилось [9]. По воспоминаниям местных жителей дело было так: в начале 1960-х годов явилась в село Маруха третий секретарь Зеленчукского райкома.

Фото 2. Церковь в селе Маруха. Карачаево-Черкесская Республика

По этическим соображениям мы не называем ее фамилию. Нашли она и ее подчиненные местную церковь (фото 2), пригнали трактор, подвезли пьяных мужиков. Среди местных жителей искать не стали. Видимо, боялись, беспорядков. Накинули трос на маковку, и под причитания старушек повалили ее на землю.

К тому времени в селе выросли уже целые поколения, воспитанные в безбожии, молиться ходили лишь некоторые старики. Главным «прегрешением» церкви было то, что по ночам туда тайком водили крестить своих внуков бабушки.

Новый храм в Марухе начали строить уже в постсоветской России, в 1990-х годах. Возводили всем миром: священник, пожилые прихожане вместе таскали брёвна и камни. Теперь строение в византийском стиле, с добрым внутренним убранством украшает село. А церковное общение дарит утешение и одиноким старикам, и неприкаянной молодёжи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вихрева А.А. Развитие православного храмового строительства на Ставрополье и Кубани в конце XVIII - начале XX вв.: автореф. дисс... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2005, 24 с.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК), Фонд 135-31, дело 613, связка 10. Клировые ведомости о церквях Кубанской области Кавказской епархии за 1873 г.
3. ГАСК, Фонд 135, опись 59а, дело 9а. Ведомости о церквях Ставропольской епархии кубанской области за 1901 г.
4. ГАСК, Фонд 135, опись 72, дело 1261. Клировые ведомости за 1914 г.
5. ГАСК, Фонд 135, опись 68, дело 598. Клировые ведомости о церквях и духовенстве 11 благочинного округа Кубанской области Ставропольской епархии за 1910 г.
6. Зеленова О.В. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Вып. 3. – М., 2015, с.52-63.
7. Шкаровский М.В. Русская православная церковь в 1943-1957 годах // Вопросы истории. № 8. – М., 1995, с.36-56.
8. Леонов А. "Хрущевский" удар по Православию. Об антицерковной кампании 1958-1964 гг. // http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/hrushevskiy_udar_po_pravoslaviju_2008-10-17.htm
9. ГАСК, Фонд 5171, опись 1, дело 67. Религиозное общество русской православной церкви с. Маруха Зеленчукского района (Казанская церковь 1944 – 1962 гг.).

IV. ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

В ОБРЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

ВОСПОМИНАНИЯ Ф.А. ЩЕРБИНЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОПЕДАГОГИКЕ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ

ЛЕНЬШИНА ОКСАНА ОЛЕГОВНА

магистрант,

Армавирский государственный педагогический университет

В настоящее время резко встает вопрос об утрате у современного человека традиционных ценностей, в том числе нравственности. Это связано с тем, что человек нашего времени ориентирован преимущественно на удовлетворение материальных потребностей.

Определенным путем сдерживания данной тенденции является актуализация казачьих традиций воспитания и обучения. Источником последних являются, кроме всего прочего, воспоминания видных казачьих общественных деятелей XIX- начала XX в. В настоящей публикации обращено внимание на такой значимый источник по этнографии детства, как мемуары Федора Андреевича Щербины (1849 – 1936 гг.) – казачьего летописца, талантливого литератора и всемирно известного экономиста. Описывая свое детство в станице Новодеревянковской, Ф.А. Щербина образно и ярко рисует мир ребенка в казачьей культуре Кубани.

Неоднократно в своих мемуарах Ф.А. Щербина обращается к описанию отдельных детских и молодежных игр, таких как: жмурки, «куца баба» («тісна баба»), чет и нечет, горю-горю пень, игра мячом «в високого дуба» и «в гилку», гонка свинки по льду и т. п. Современные исследователи достаточно подробно изложили содержание казачьих игр и их значение в воспитании детей в культурной традиции казаков Кубани[1].

По словам Ф.А. Щербины: «Нравственность личности начинается с нравственных законов, по которым живет общество», подтверждением этих слов является история станичного судьи Максима Щербы [2], рассказанная Ф.А. Щербиной. М. Щерба умело стоял за существующие казачьи порядки, мог подавлять беспорядочные действия не только воров и буянов, но и тщеславную станичную молодежь.

В присутствии односельчан (принцип публичности является одним из ведущих в системе традиционного воспитания) [3] осуждает станичный судья собственного сына, стоящего в карауле, за несправедливое требование к простому казаку и превышение властных полномочий. Каждый равен перед законом, и авторитет будет лишь у той власти, которая «чем других, тем и себе мерит» [4].

В воспоминаниях кубанского историка раскрывается важная составляющая традиционной педагогики: участие общины в жизни юных казаков. Ф.А. Щербина писал в своих мемуарах о том, что когда его отец Андрей Лукич Щербина (1816–1852) в семь лет потерял мать, а в семнадцать – отца. Слабого здоровьем юношу, на руках у которого остались младшие брат и сестра, переключенное станичное общество послало для подготовки к церковному служению в Екатерино-Лебяжью мужскую общежительную пустынь; так он стал священником [5].

Проанализировав воспоминания Ф.А. Щербины, можно заметить, что казаки очень уважительно относились к своим родителям. Воспоминания автора о своей малой родине, о матери и отце пропитаны лаской и любовью. Он пишет, что его семья была в почете у казаков, так как мать великая труженица, воспитывала своих детей одна, потому что когда Ф.А. Щербине было три года, отец умер, вдове пришлось все тяготы по воспитанию и работе взять на себя. О своем отце автор пишет, что он был бескорыстным человеком, казаки его любили за «беспримерную доброту и теплое отношение к их горю и нуждам» [6].

Необходимо отметить, что такие качества как мягкость, выдержка и доброта позволяли успешно решать вопросы семейной педагогики, где старший стоял за младшего, оберегал его, а младший почитал старшего, как отца.

Воспитанный в семье священника, Федор Щербина впитал всё богатство духовности, вера позволила ему, сохранить ясность нравственных понятий, преодолеть мировоззренческий кризис в трудные годы [7].

В «Истории Кубанского казачьего войска» Ф.А. Щербины можно увидеть, что духовная культура народа сохранила свой нравственный стержень, даже в сложной обстановке в самой России того периода. Это помогает, возродиться казачеству в настоящее время. Фундаментом стало воспитание в подрастающем поколении патриотизма, чувства достоинства, храбрости, трудолюбия, когда лень - позор для казака, а труд – единственно правильный образ жизни.

Но, не смотря на все преимущества в воспитании казаков, Ф.А. Щербина писал, что в крае необходимо расширить базу образования, т.к. это еще в большей степени сможет развивать у казаков нравственность, любовь к Отечеству: «Главное, что требуется всегда и на всяком месте казаку, – это образование. Необходимо дать казачеству самый широкий доступ к обучению, поднять и расширить его духовные потребности, чтобы он мог двигать вперед жизнь наравне со всеми в России» [8].

Было проделано много усилий для развития системы образования в крае, и наконец, 10 февраля 1919 г. был открыт Кубанский политехнический институт, где Федор Андреевич Щербина произнес памятные слова: «Я обращаюсь к вам, мои молодые друзья – студенты и студентки: смело и бодро берите предлагаемые вам вашею «alma mater» знания, бережно несите их и сейте на родной Кубани и Кавказе, памятуя, что вы – молодые силы и что в ваших руках светлое общечеловеческое будущее, долженствующее рассеять редеющий уже мрак человеческих распрай»[9].

На примере таких пророческих слов Федора Андреевича Щербины нужно учиться и чаще обращаться к опыту такого известного кубанского по-

литика и общественного деятеля, который смог возвратиться в то далекое детство, и показать нам все преимущества казачьего воспитания. Прогресс общества, по мнению Ф.А. Щербины, во многом зависит от воспитания у личности нравственных качеств: трудолюбия, любви к Отечеству, веры, духовности, ответственности за будущее и настоящее, чему способствует казачья педагогика, построенная на национальных нравственных традициях.

Примечания:

1. Матвеев О.В. Из исторического и военно-культурного наследия казачества Кубани. - Краснодар, 2011. С.116; Александров Г.С. Народные подвижные игры кубанского казачества. - Краснодар, 1997. С.49.
2. 2. Щербина Ф.А. Собрание сочинений. Серия 1. Неизданные сочинения: в 6 т. - Т. 1. Пережитое, передуманное и осуществленное / сост. науч. ред. В.К. Чумаченко. - Каневская; Краснодар; Москва, 2008.
3. 3. Ктиторов С.Н., Ктиторова О.В. Этнопедагогика. Традиции воспитания у народов Кубани// Много народов - один край. Проект «Краеведческая этнокультурная экспедиция». - Краснодар, 2012. С.39.
4. 4. Курицына Т.Н. Казачьи педагогические традиции формирования нравственности// Электронный ресурс: Кубанское казачье войско / URL: <http://www.slavakubani.ru/education/cossack-history-education/detail.php?ID=3283>. (Дата обращения: 12.05.16).
5. 5.Щербина Ф.А. Указ. соч. С.107.
6. 6. Там же.
7. 7.Курицына Т.Н. Указ. соч.
8. 8. Якаев С.Н. Фёдор Андреевич Щербина. Вехи жизни и творчества. - Ч. 1.- Краснодар, 2004. С.77.
9. 9. Там же. С.104.

**АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА СТУДЕНТОВ ИСТФАКА
АГПУ – 2016**

*БАСОВ ИГОРЬ ИВАНОВИЧ
ПЕЛИХ АЛЕКСЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ*

После пятилетнего перерыва на историческом факультете Армавирского государственного педагогического университета по инициативе и поддержке ректора университета А.Р. Галустова и декана факультета Ю.В. Приймака в 2016 г. была восстановлена летняя археологическая практика.

Ей предшествовала подготовительная работа: оформление учебно-методической документации, формирование необходимой материальной базы, становление на историческом факультете АГПУ Центра археологических

исследований с собственным коллективом археологов-полевиков. Для проведения полевой археологической практики 2016 года были получены Открытые листы на И.И. Басова и А.Л. Пелиха. Большую помощь в проведении практики оказали сотрудники ЦАИ АГПУ С.Я. Березин, В.И. Басов, Ф.А. Марков.

Сама практика охватывала студентов-очников 1 курса отделений «История и обществознание» и «История и география».

В течение положенных по учебным планам двух недель июля студенты во главе с руководителями – И.И. Басовым и А.Л. Пелихом – участвовали в целом комплексе разноплановых практических мероприятий.

Так, важной для будущих учителей частью практики была серия учебных экскурсий на памятники археологии округи г. Армавира, Новокубанского района Краснодарского края и Изобильненского района Ставропольского края: студенты ознакомились, в частности, с комплексом поселений и могильников меото-сарматского времени и эпохи раннего средневековья у ст. Прочноокопской, городищами меото-сарматского времени округи Армавира, масштабным комплексом раннесредневековых городищ, селищ и могильников округи х. Горькая Балка. Часть этих экскурсий проводилась студентами истфака АГПУ совместно со студентами и преподавателями специальности «Туризм» Армавирского механико-технологического техникума [1].

Особо отметим учебный выезд в Темрюкский район, ст. Тамань. Он смог состояться благодаря помощи А.Р. Галустова, выделившего средства на эту дальнюю поездку, и деятельности участию начальника отдела памятников археологии Управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края Г.Г. Давыденко. В процессе поездки студенты истфака АГПУ посетили уникальный памятник истории – городище Гермонасса-Тмутаракань, о котором подробно рассказала заведующая отделом фондов Таманского музеяного комплекса Э.Р. Устаева. Также ими были посещены лагерь и объекты археологических раскопок – античные поселения и могильники – известного краснодарского археолога И.В. Цокур[2].

Следующая часть практики – археологические разведки. Работы проводились в округе пос. Фортштадт, х. Горькая Балка и на территории между г. Армавир и х. Красная Поляна. Студенты участвовали в проведении топосъемки, зачистки обнажений земли, шурfovки на предмет поиска следов памятников археологии. Финалом разведочных работ на окраине х. Горькая Балка стало исследование со спасательными целями детского раннесредневекового каменного ящика, обнажившегося на грунтовой дороге, проходящей через территорию горькобалковского могильника №2.

Раскопочная часть полевой практики проходила также недалеко от г. Армавира, между пос. Фортштадт и ст. Прочноокопской, в районе урочища Кизиловая Балка. Эта часть практики была особо приметной, так как студентам-практикантам истфака АГПУ удалось поработать в Армавирской экспедиции Института истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН), которая проводила охранно-спасательные археологические исследования на месте строительства линии электропередач Невинномысской ГРЭС.

Экспедиция исследовала здесь курганный могильник, включающий три насыпи, содержащих в целом около 30 захоронений. Один из курганов, имеющий каменные конструкции, оказался относительно поздним – его соорудили в скифское время. Под курганной насыпью были обнаружены захоронения младенца и взрослого человека. Погребение взрослого соединено с могилой коня, в которой найдена уздечка с бронзовыми украшениями. Два других кургана принадлежали представителям совершенно иных культур, бронзового века: катакомбной – эпохи средней бронзы ((XXV—XX вв. до н. э.) и срубной (XVIII - XII вв. до н.э.))[3].

Студенты истфака АГПУ, участвуя в раскопках курганов у Кизиловой Балки, реализовали уникальную возможность – увидели, как работают профессионалы мощнейшей археологической организации в стране, и, безусловно, многому у них научились.

Надо отметить, что работы санкт-петербургских археологов не обошли вниманием крупнейшие региональные телеканалы и печатные СМИ, в материалах которых упоминается и об участии в работах студентов-практикантов АГПУ [4; 5].

В целом, проведение полевой археологической практики студентов-историков АГПУ 2016 г. можно признать успешным.

Примечания:

1. <http://a-mtt.ru/index.php/printing/item/294-pokhod-vykhodnogo-dnya>
2. <http://www.agpu.net/?news=8133>
3. <http://www.rescurearcheo.ru/news.htm#doskif>
4. <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2773597>
5. <http://news-armavir.ru/obshhestvo/kizilovaya-balka-raskryvaet-svoi-tajny.html>

V. ЮБИЛЕЙ КОЛЛЕГ

ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ (к 65-летию со дня рождения С.Л. Дударева)

**Если учитель имеет только любовь к делу,
он будет хороший учитель. Если учитель
имеет любовь к ученику, как отец, как мать,
он будет лучше того учителя, который про-
чёл все книги, но не имеет любви ни к делу,
ни к ученикам. Если учитель объединяет в
себе любовь к делу и к ученикам, он – со-
вершенный учитель**
Л.Н. Толстой

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета.

Родился 5 сентября 1951 г. в г.Грозном в семье учителей. В 1972 г. окончил Чечено-Ингушский государственный университет. В 1977-1981 гг. С.Л. Дударев обучался в аспирантуре по археологии при Северо-Осетинском государственном университете им. К.Л. Хетагурова (научный руководитель – проф. В.Б. Виноградов). До 1992 г. С.Л. Дударев работал преподавателем кафедры всеобщей истории, доцентом кафедры истории народов Северного Кавказа Чечено-Ингушского государственного университета (г. Грозный). С 1992 г. он работает в АГПИ (с 2003 г. – АГПУ) сначала доцентом, затем профессором (1999) кафедр культурологии (1992-1993) и всеобщей истории (с 1993 г.). С 1998 по 2008 гг. С.Л. Дударев работал заведующим кафедрой всеобщей истории, с 2008 по 2013 г. – завкафедрой всеобщей и региональной истории. С 1 сентября 2013 г. по настоящее время С.Л. Дударев работает заведующим объединенной кафедрой всеобщей и отечественной истории АГПУ.

В 1983 году в Институте археологии Академии наук Украины была защищена кандидатская диссертация «Ранний этап освоения железа на Цен-

тральном Предкавказье и в бассейне р. Терека (IX-VII вв. до н.э.)», а в 1999 г. по двум специальностям «Всеобщая история» (древний мир) и «Археология» в Институте востоковедения РАН в г. Москве. Была защищена диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук – «Северный Кавказ и ранние кочевники в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.).

Научные интересы С.Л. Дударев связаны с археологией Юга России, историей народов Северного Кавказа, проблемами всеобщей истории, особенно периодом средневековья и раннего нового времени. Он является автором более 750 опубликованных научных и научно-методических работ, среди которых 24 книги, в том числе 10 монографий.

Труды С.Л. Дударева увидели свет в десятках городов России и СНГ, в том числе, таких журналах, входящих в список рецензируемых, как: «Вопросы истории», «Восток. Афро-азиатские общества: история и современность», «Вестник древней истории», «Российская археология», «Научная мысль Кавказа», «Былые годы» и др. Свыше 30 публикаций специалиста изданы в 11 зарубежных странах (Германия, Турция, Греция, Нидерланды, США, Франция, Чехия, Польша и др.). Ссылки на работы С.Л. Дударева можно встретить в ряде зарубежных изданий (Польша, Германия, Италия, Франция, Венгрия, США). Академический журнал «Ancient West&East» (Бельгия), входящий в различные международные индексы, и издавший более десятка его работ, в 2002 г. назвал С.Л. Дударева известным специалистом по археологии Северного Кавказа.

Проф. С.Л. Дударев – академик Международной Академии информатизации (при ООН) и Общественной академии наук, культуры, образования Кавказа (при МГИМО (У) МИД России), член-корреспондент «Центра археологии и культурной истории Причерноморья» при Институте доисторической археологии университета Мартина Лютера в Халле-Виттенберге (Германия), член Всероссийской ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени. С.Л. Дударев награжден администрацией Краснодарского

края почетным званием «Заслуженный деятель науки Кубани» (1998). В 2003 г. награжден Почетной грамотой Министерства образования РФ. В 2004 г. награжден Российским Лермонтовским комитетом медалью М.Ю. Лермонтова в связи с 190-летием великого поэта за личный вклад в отечественную многонациональную культуру и укрепление российской государственности. В 2007 г. награжден Всероссийским Союзом общественных объединений ветеранов десантных войск медалью «За службу на Северном Кавказе». В 2008 г. награжден благодарностью главы администрации (губернатора) Краснодарского края. В 2011 г. награжден Почетной грамотой главы администрации (губернатора) Краснодарского края. В 2013 г. награжден Институтом политических и социальных исследований Черноморо-Каспийского региона памятной медалью «В память 200-летия подписания мирного договора между Россией и Персией». С результатами своих исследований он выступил на более чем 160 научных и научно-практических конференциях в стране и за рубежом. С.Л. Дударев является редактором около 120 книг, брошюр и сборников научных и научно-методических трудов. Соразработчик периодизации всемирной истории, прошедшей апробацию в центре и на местах (1993–1995).

С.Л. Дударев является членом Диссертационного совета Д.212.245.12 при ФГАОУВПО «Северокавказский федеральный университет» (г. Ставрополь).

Успехи научной деятельности С.Л. Дударева и мера его признания со стороны коллег и учеников неоспоримы. Сергея Леонидовича знают как талантливого ученого, опытного руководителя, очень грамотного и остроумного преподавателя.

После вынужденного переезда в Армавир коллектива В.Б. Виноградова, в АГПИ Кавказоведческой научно-педагогической школой были созданы две кафедры – всеобщей истории и регионоведения и специальных исторических дисциплин. С.Л. Дударев возглавил кафедру всеобщей истории, и вместе со своими аспирантами и соискателями успешно вел научно-

исследовательскую работу "в "дочерней" научной школе, связанную с Кавказоведческой тысячами нитей" (Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова: становление, современность, перспективы. Армавир, 2002). Значительную долю своих способностей и сил Сергей Леонидович всегда отдавал преподавательской, вузовской деятельности, где зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. По примеру своего учителя, основателя Кавказоведческой научно-педагогической Школы профессора В.Б. Виноградова, вокруг Сергея Леонидовича всегда было много студентов, ведь выполнить дипломную работу или опубликовать тезисы под руководством заслуженного, маститого ученого – это значило обеспечить высокое качество работы, а возможно, и постепенно приобщиться к научно-исследовательской работе Школы.

Работать с С.Л. Дударевым одно удовольствие, его научная эрудиция и прирожденная интуиция позволяли возглавляемой им кафедре и научной школе всегда находиться на высоких позициях научно-образовательного пространства России.

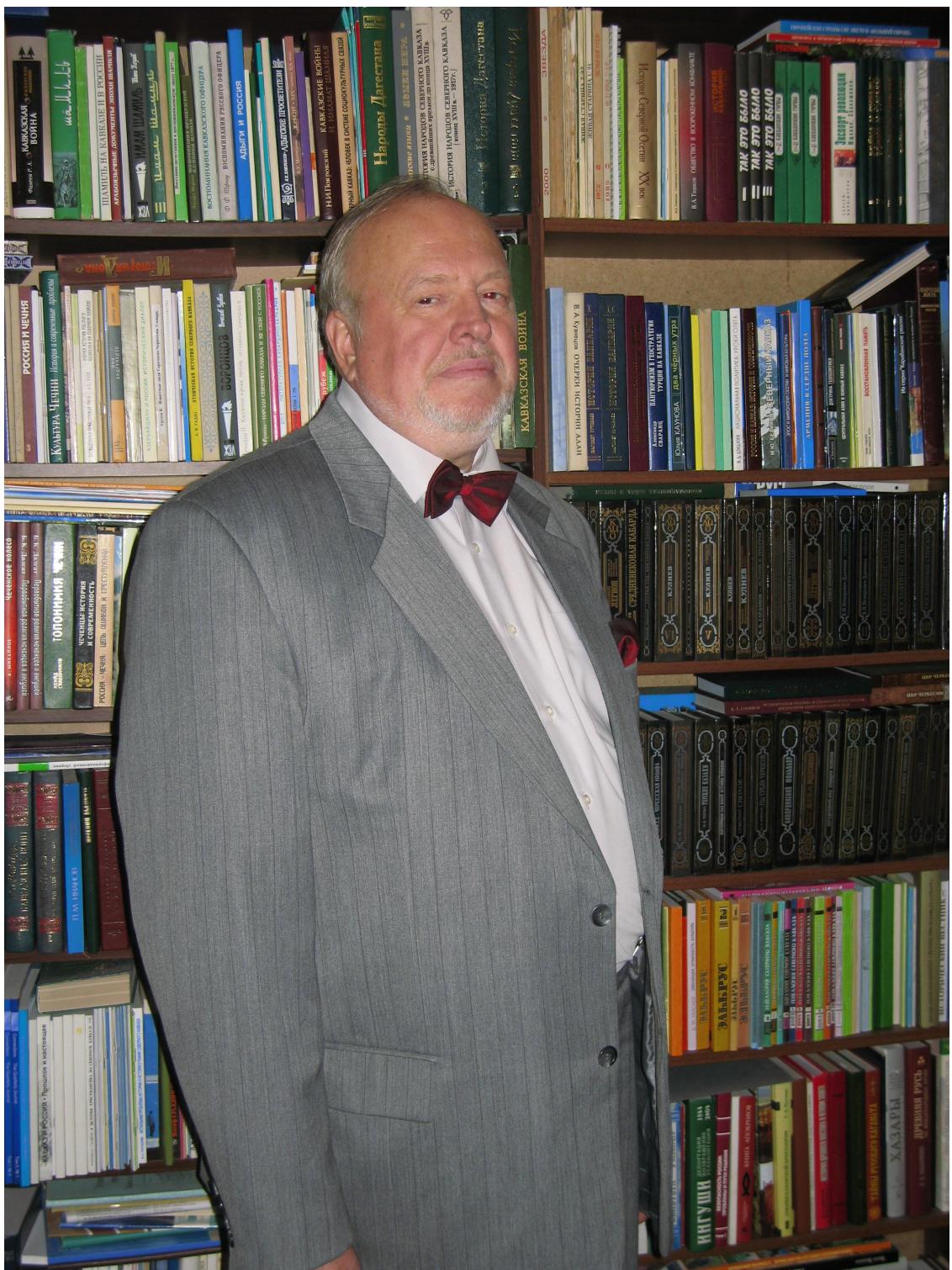
Коллектив кафедры всеобщей и отечественной истории поздравляет Сергея Леонидовича с очередным юбилеем, желаем ему кавказского долголетия, научных и творческих достижений, радостей семейной жизни!

Литература о С.Л. Дудареве

1. Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории. Библиогр. Словарь. – Саратов, 1998. – С. 110-111.
2. Современное кавказоведение. Справочник персоналий. – Ростов-н/Д, 1999. – С. 63;
3. Кто есть кто в Армавирском государственном педагогическом институте. Информационный справочник. – Армавир, 1998. – С. 9-10.
4. К 50-летию Сергея Леонидовича Дударева // Донская археология. – № 1-2. – С.116.
5. Проблемы всеобщей истории. – Вып. 7. – Армавир, 2001. – С. 126-129.
6. Библиография научных, научно-методических и учебно-методических работ С.Л. Дударева. – Армавир, 2001. – 72 с.
7. Очерки истории Армавирского государственного педагогического института. – Армавир, 2003. – С. 217-219.
8. Историки России. Кто есть кто в изучении зарубежной истории. – Ставрополь, 2004. С.65-66.
9. Большая Кубанская энциклопедия. Биографический энциклопедический словарь. – Краснодар, 2005. – С.94-95.
10. Историки Кубани и Адыгеи: словарь-справочник. – Краснодар, 2007. – С. 89-91.

11. Историки России. Кто есть кто в изучении зарубежной истории. Биографический словарь. Изд. 2-е испр., доп. – Ставрополь, 2009. – С.92-93.

НАШ СЛАВНЫЙ ЗЕМЛЯК
(к 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности
В.А. Захарова)

Владимир Александрович Захаров родился 17 июля 1946 г. в Армавире. Учился в железнодорожной средней школе № 49. С третьего класса стал «музейным мальчиком» при Армавирском городском музее. Вместе с известными краеведами Б.Л. Выродовым, Н.И. Навротским и приезжавшими в Армавир палеонтологами из Ленинграда Е.Ф. Кутузиной и из Тбилиси Л.К. Га-

буния занимался археологическими и палеонтологическими раскопками в районе Форштадта. Там Кутузкина обнаружила слои глины, в которых содержались отпечатки растений, рыб, насекомых, живших в районе Армавира миллионы лет назад. Габуния был самым крупным в СССР специалистом по гиппариону (древняя лошадь). Основные научные работы Габуния были посвящены исследованию гиппарионовой фауны, бенарской фауны олигоценовых позвоночных, беломечетской фауны среднемиоценовых млекопитающих, изучению следов динозавров, проблемам вымирания и прогресса в палеобиологии. Найденное Габуния под Армавиром кладбище гиппариона, которое он раскапывал несколько лет, приезжая на целое лето в Армавир, в которых Захаров принимал постоянное участие, дали автору материал к выходу нескольких исследований и книг, посвященных вымершей фауне Северного Кавказа (Габуния Л.К. Следы динозавров. М.: Изд-во АН СССР, 1958; Он же. К истории гиппарионов. М.: Изд-во АН СССР, 1959; Он же. Вымершие и вымирающие виды. М., 1976). Исследования Габуния высоко оценены учеными мира¹.

Вместе с Б.Л. Выродовым Захаров раскопал в районе «Чертова моста» в Форштадте скелет кита цетотерия (*Cetotherium*), который плавал на месте нынешнего города Армавира свыше 10 миллионов лет назад (в те времена эта территория была дном одного из заливов так называемого древнесарматского моря). Полный скелет цетотерия был доставлен в Армавирский музей, где до сих пор находится в экспозиции.

Будучи учеником 9 класса ведет активную переписку с писателем Романом Тимофеевичем Пересветовым и главным хранителем отдела нумизматики государственного Эрмитажа Иванов Георгиевичем Спасским, по рекомендации которого начал заниматься научной темой «История денежных знаков города Армавира». Тогда же стал заниматься в Армавирском государственном архиве, в поисках материалов о денежном обращении в городах

¹ См.: Виноградов А.В. История антропологических исследований // Научное обозрение. Биологические науки. 2016. № 1. С. 24–39.

Северного Кавказа в 1918–1924 гг. В 1964 г. поступил на историко-филологический факультет Ставропольского Государственного педагогического института, откуда был исключен в 1969 г. «за принадлежность к лицам религиозного объединения». Во время обучения в пединституте был личным секретарем видного историка, профессора В.А. Романовского, который заложил основы будущих научных занятий Захарова. В 1964 г. стал иподиаконом архиепископа Ставропольского и Бакинского Михаила (Чуб), крупнейшего в то время историка, изучавшего кумранские рукописи, богослова, обнаружившего большое количество писем и рукописей святителя Игнатия (Брянчанинова). В личном архиве Захарова хранятся рукописи неопубликованных работ, а так же письма, статьи владыки и книги, подаренные архиепископом Михаилом².

Первые публикации появились в 1966 г. В 1967–1969 гг. В.А. Захаров работал ответственным секретарем ставропольского городского отделения ВООПИК. Но после исключения из института с трудом устроился на работу рабочим сцены Ставропольского драматического театра, где вскоре стал главным машинистом, проработав 5 лет, Захаров уехал из Ставрополя в Кисловодск. Несколько раз встречался с А.И. Солженицыным в Москве в 1972–1973 гг., которому возил письма из Новопятигорска, от его крестной матери М. Крамер (Скороглядовой), а от него привозил рукописи неопубликованных в СССР романов Солженицына.

Закончил в 1975 г. Московский Государственный заочный педагогический институт по специальности – историк.

Работал в музеях Пятигорска, Пензы (Тарханы), Краснодарского края (Тамань 1976–1986), Москвы. Является одним из создателей Дома-музея М.Ю. Лермонтова в Тамани. Вместе с В.Г. Малаховой был разработан тема-

² См. интересную статью об архиепископе Михаиле: *Сафонов Д.* К 20-летию кончины архиепископа Михаила (Чуба) // “Альфа и Омега”. 2006. № 45. В 2001 г. удалось опубликовать одну рукопись. См.: *Архиепископ Михаил (Чуб)*. Православная святыня в Моздоке (Из истории христианства на Кавказе) / Предисловие, подготовка и публикация текста Вл. Захарова // Новая книга России. 2001. № 8. С. 25–27.

тико-экспозиционный план нескольких литературных экспозиций. Проведенные Захаровым научные исследования в Краснодарском и Ставропольском госархивах (ГАКК и ГАСК), а также в Военно-историческом архиве (РГВИА) и рукописных отделах Пушкинского дома (ИРЛИ) и библиотеки им В.И. Ленина (ныне РНБ), позволили ввести в историю Тамани и в лермонтоведение немало новых страниц. С 1993 г. работал в отделе по церковной благотворительности и социальному служению Московской Патриархии. В 1995 г. был приглашен на работу канцлером в миссию Суворенного Военного Мальтийского Ордена при РФ. С 2001 года являлся старшим научным сотрудником Института Европы РАН, с 2005 г. заместителем директора «Центра Кавказских исследований» МГИМО (У) МИД России, с 2009 года профессор Пятигорского государственного Лингвистического университета. Ныне - директор «Общественного Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона» (г. Москва).

Круг научных интересов Захарова весьма широк. Его исследования посвящены истории Тмутараканского княжества, «Слову о полку Игореве», жизни М.Ю. Лермонтова, политической истории Закавказских государств, Северного Кавказа, Абхазии, Турции.

Член Союза писателей России, и Союза писателей Армении. Сопредседатель Российского Лермонтовского Комитета (со времени его создания в 2008 г. вместе с Расулом Гамзатовым и Владимиром Карповым). Член международного союза журналистов. Лауреат Всероссийской премии им. М.Ю. Лермонтова 2001 г. Автор свыше 1000 статей и более 30 книг.

Публиковался в газетах, журналах и научных сборниках России, Болгарии, Польши, США, Канады. Член редколлегии: «Кавказского сборника», «Сборника Русского исторического общества», серии «Кавказский роковой круг», главный редактор «Лермонтовской библиотеки» (СПб.: Издательство «Алетея») и др. изданий. Член ученого совета Института Кавказа при Тегеранском Государственном Университете (Исламская Республика Иран).

В 2003 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Мальтийский Орден в XI–XX вв. в системе европейских государств». Почетный доктор Арцахского государственного университета (НКР). Почетный профессор Современной Гуманитарной Академии (2013).

Награжден высшими орденами Абхазии «Ахъдз-Апша» («Честь и Слава» 3-й степени, 2009 г.) и Южной Осетии (орден «Дружбы», 2013 г.), за научное обоснование суверенитета Абхазии и Южной Осетии. Золотым орденом «Нестора Летописца» Украинской православной церкви Московского Патриархата (2012 г.), медалью премии им. академика Б.А. Рыбакова Русского исторического общества (2002 г.), медалью «За службу на Северном Кавказе» (2007 г.), медалью «Вачаган Барепашт» (Нагорно-Карабахской республики), высшим орденом Суверенного военного Мальтийского ордена «Командорский крест» про милити милитари, Золотой Медалью «Тюрксоя» (этую медаль вручалась всего дважды – Президенту Турции Абдулле Гюлю и В.А. Захарову). В 2010 году атаман Кубанского казачьего войска П. Громов вручил Захарову медаль «За службу перед Кубанским Казачеством». Имеет чин подъесаула Кубанского казачьего войска (Приказ № 96 от 29.09. 1993 г.).

В.А. Захаров один из трех ведущих и старейших лермонтоведов России. Его многочисленные выступления на научных Всесоюзных и Всероссийских лермонтовских конференциях всегда привлекали внимание своей новизной материала, новыми архивными находками, а 700-страничная книга «Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова» стала настольной книгой всех, кто занимается изучением жизни и творчества великого русского поэта. В настоящее время подготовлено второе дополненное издание, в котором будут представлены многочисленные новые документы о жизни Лермонтова, найденные В.А. Захаровым в различных архивах. Многочисленные выступления В.А. Захарова в прессе и на телевидении популяризируют творчество Лермонтова, раскрывая перед новым поколением неизвестные страницы творческой биографии поэта.

Поздравляя Владимира Александровича с замечательными юбилеями, желаем нашему славному и именитому земляку много го здоровья, новых ярких творческих успехов и долгих лет жизни!

**Кафедра всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета,
коллектив научно-педагогической
Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова**

Литература о В.А. Захарове

1. Прохоров Г.М. Захаров Владимир Александрович // Энциклопедия «Слово о полку Игореве». Т. 2. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 1995. С. 213 — 214.
2. Фото: В.А.Захарова, с Л.Н.Польским, проф. В.А.Мануйловым и Е.Б. Польской // Польская Евгения. Это мы, Господи, пред Тобою... [Изд-е 2-е]. – Невинномыск, 1998. – С.497.
3. Виноградов В. Письмо от... Канцлера // Армавирский собеседник (Армавир). – 1999, 18 августа.
4. Биографическая справка // Сборник Русского Исторического Общества № 1 (149). – М.: РИО, «Русская панорама», 1999. – С.246.
5. В память о профессоре Романовском // Ставропольские губернские ведомости. – 2000, 30 марта.
6. Захаров Владимир Александрович (1946 г.р.) / Под ред. В.Б. Виноградова / Российские исследователи Кавказа. История, археология, этнография. Вып. 22. Из эпистолярного наследия. Вып. 6. – Армавир–Москва, 2002. – 28 с. [Список основных печатных работ В.А. Захарова. – С. 16–27].
7. В.А. Захаров – разносторонний кавказовед // Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы 11-й всероссийской межвузовской аспирантско-студенческой конференции / Под ред. И.И. Марченко, Е.И. Нарожного. – Краснодар, 2003. – С. 59–60.
8. Владимир Александрович Захаров // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология / Под ред. проф. В.А. Шаповалова, проф. К.Э. Штайн. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. – С. 580.
9. Садатиерашвили Дали. Выбор Ираклия II: взгляд из XXI века // «Свободная Грузия». – 2005, 3 ноября. – С. 3. [Выступление В.А. Захарова на круглом столе в Тбилиси].
10. Фото: В.А. Захарова, с Л.Н. Польским, проф. В.А. Мануйловым и Е.Б. Польской // Шатакишвили Владимир. Шкатулка колоритных современников: О тех кого помню и люблю. – Пятигорск–Кисловодск, Северо-Кавказское изд-во МИЛ, 2004. [На обложке книги].
11. Близнюк Николай. Вместо врача – ящик шампанского // Ставропольская правда. 2005. 15 июля [О выступлении В.А. Захарова в музее-заповеднике М.Ю. Лермонтова в Пятигорске].
12. Защита Лермонтова. Деятели культуры против сомнительных версий [Открытое письмо В.А. Захарову] // Культура. 2007. № 30. 2-8 августа.
13. Эксперт МГИМО: Алексей Подберезкин. Владимир Захаров «наехал» на Азербайджан в Ереване. 20 января 2010. URL: <http://www.mgimo.ru/news/media/document140504.phtml>
14. Артем Ерканян. Гейдар Джемаль лжет // Новое время (Ереван). 2011.
15. Ниязов Ниязи Сабир оглы. Становление и развитие политики военной безопасности Азербайджанской республики в 1994–2011 гг. Автореферат дис. на соискание уч. степени доктора историч. наук. – СПб., 2012. С. 6–7 (о работах Захарова).

16. Ресурсы армянской диаспоры в контексте информационной войны. // Ноев Ковчег. 2012. № 13.
17. Всероссийская научно-практическая конференция – 160 лет Ставропольской краевой универсальной научной библиотеке им. М.Ю. Лермонтова. 18 сентября 2012. URL: <http://museum.cstru.ru/post/153>
18. Быкова Н. С именем великого поэта // Ставроп. правда. 2012. 18 сент. – С.1.
19. Пересыпкина В. Лермонтов и Кавказ // Ставроп. губ. ведомости. 2012. 26 сент. – С. 19.
20. Сабирова К. В Ставрополе и Пятигорске прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Лермонтов и Кавказ» // Народы Кавказа. 2012. № 18, окт. – С. 10.
21. Сочилов К. Офицер, поэт, романтик // Ставроп. репортер. 2012. 25 сент. – С. 24.

НАТАЛЬЮ НИКОЛАЕВНУ ВЕЛИКУЮ – С ЮБИЛЕЕМ!

Члену научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова, видному историку-кавказоведу, доктору исторических наук, профессору кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета, Наталье Николаевне Великой исполнилось 60 лет.

Н.Н. Великая (Бараниченко) родилась в городе Грозном 3 октября 1955 года. Окончив с золотой медалью среднюю школу, поступила на исторический факультет Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н.

Толстого. В археолого-краеведческом кружке проф. В.Б. Виноградова определились научные интересы будущего специалиста: история и духовная культура народов Северного Кавказа.

В 1978 г. Н.Н. Великая с отличием окончила университет и по распределению отработала три года в средней школе № 37 г. Грозного. Трудилась в Чечено-Ингушском республиканском краеведческом музее, затем – старшим научным сотрудником Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, экономики, социологии и филологии.

В 1985 г. Н.Н. Великая защитила кандидатскую диссертацию в МГУ им. М.В. Ломоносова (Совет К.053.05.29) по теме «Доисламские верования и культы в исторических системах общественных отношений вайнахов» (научный руководитель проф. В.Б. Виноградов) по специальности 07.00.07 - Этнография.

С 1992 г., в связи с переездом из г. Грозного в результате известных событий в Чеченской республике вместе с рядом других коллег по Кавказоведческой Школе, Наталья Николаевна работает в Армавирском государственном педагогическом институте. С 1999 г. - докторант по кафедре истории России АГПИ. В 2001 г. в Ставропольском государственном университете (Совет Д 212.256.03) защитила докторскую диссертацию «Политические, социально-экономические, этнокультурные процессы в Восточном Предкавказье (XVIII-XIX вв.)» (научный консультант проф. В.Б. Виноградов) по специальности 07.00.02 - Отечественная история.

С 2002 г. и по настоящее время Н.Н. Великая – профессор кафедр истории России, всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (академии). Ею разработаны и на высоком научном и научно-методическом уровне читаются оригинальные курсы лекций по истории России, исторической демографии, социальной истории Северного Кавказа в дореволюционный период и др. для студентов, магистрантов и аспирантов АГПА, которые пользуются большим вниманием и интересом у подрастающих поколений будущих педагогов.

Н.Н. Великая – автор более 200 работ по истории и этнографии народов Северного Кавказа, которые увидели свет в двух с лишним десятках научных и вузовских центров России (гг. Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Краснодар, Ставрополь, Пятигорск, Армавир и др.), ближнего (Украина, Грузия) и дальнего (Польша) зарубежья. Под ее редакцией опубликовано более 10 монографий и сборников научных статей. Выступления Натальи Николаевны прозвучали на многочисленных международных, всероссийских, республиканских и региональных научно-практических конференциях. Н.Н. Великая выступила оппонентом на защите докторских и кандидатских диссертаций в 7 Советах страны. Осуществляет руководство аспирантами и соискателями, 6 из которых защитили кандидатские диссертации. Н.Н. Великая является членом редколлегии ВАКовского журнала «Кант» и членом редакционного совета научно-методического журнала «Наука и образование: новое время».

Многогранная и плодотворная научная и общественная деятельность Н.Н. Великой получила достойную оценку. В 2003 г. она была награждена медалью Всероссийского Лермонтовского комитета за научный вклад в укрепление российской государственности. Н.Н. Великая удостоена звания академика Международной академии наук, является членом Кубанского отделения «Русского исторического общества».

В 2004 г. ей присвоено ученое звание профессора. По итогам научной работы за 2005 г. награждена медалью «Гордость науки Кубани» департамента образования и науки Краснодарского края. В 2006 г. удостоена благодарности атамана Кубанского казачьего войска В.П. Громова «За плодотворную научную работу в деле возрождения Кубанского казачества». В 2007 г. Н.Н. Великая была награждена Всероссийским Союзом общественных объединений ветеранов десантных войск медалью «За службу на Северном Кавказе». В 2015 г. Институтом политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона награждена медалью «В память 200-летия подписания мирного договора между Россией и Персией».

Н.Н. Великая стала лауреатом Всероссийских конкурсов на «Лучшую научную монографию-2014» и «Лучшую научную статью-2015». Книга Е.М. Белецкой, Н.Н. Великой и А.Ф. Григорьева «Очерки духовной культуры гребенского казачества в дореволюционный период» (Саарбрюккен-Ставрополь, 2012) демонстрировалась на Международной выставке научной книги в Париже в марте 2015 г. и была удостоена золотой медали. Н.Н. Великая награждена Дипломом «Лучшая научная и методическая статья-2016» за 1 место в V Международном конкурсе. Студенты и аспиранты Натальи Николаевны неоднократно становились лауреатами и победителями краевых, Всероссийских и Международных конкурсов.

От всей души поздравляем настоящего ученого, прекрасного, душевного человека и товарища, Наталью Николаевну Великую, со славным юбилеем, и желаем ей большого счастья, здоровья и новых творческих успехов!

СПИСОК основных публикаций Н.Н. Великой

1. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. - Армавир, 2001. – 192 с.
2. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. - Ростов н/Д., 2001. – 278 с.
3. Исламизация народов Северного Кавказа (VII – XIX вв.). – М.: Изд-во «РИЖ», 2009. – 120 с.
4. Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). Коллективная монография /под ред. В.Б. Виноградова. – Пятигорск, 2010 (Очерк I. Этногенез и этническая история. - С.6-62; Очерк X. Религиозные верования народов Северного Кавказа. – С. 223-315).
5. Очерки духовной культуры гребенского казачества в дореволюционный период. - Ставрополь-Саарбрюккен: LAP LAMBERT Akademik Publishing, 2012. - 300 с. (в соавторстве с Е.М. Белецкой и А.Ф. Григорьевым).
6. Казаки Северо-Восточного Кавказа и их соседи в дореволюционном прошлом (по историческим, фольклорным и литературным источникам). - Армавир: РИО АГПА, 2014. – 232 с. (в соавторстве с Е.М. Белецкой).
7. Очерки истории и культуры казачества Юга России /под ред. Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева; Южный научный центр Российской академии наук. - Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХ и ГС, 2014. (Очерк 2. Терское казачество в XVIII – первой трети XIX в. - С.115-128. Очерк 3. Терское казачье войско во второй половине XIX - начале XX в. - С.231-242. Очерк 3, ч.2. Особенности традиционной культуры терского казачества в XIX – начале XX в. - С.472-484).
8. Мирные формы интеграции Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи (1801-1859 гг.) /под ред. С.А. Головановой. – Армавир: РИО АГПУ, 2015. – 252 с. (в соавторстве с Е.В. Великой).

9. Казачество в истории Ставрополья. Учебное пособие для учащихся 6-7 классов. - М.: Изд-во «Владос», 2015. - С. 137-171; 195-225.
10. Казачество в истории Ставрополья. Учебное пособие для учащихся 8-9 классов. - М.: Изд-во «Владос», 2015. – С.45-47; 53-58; 79-87.
11. Исторические песни линейных казаков Терека и Кубани (дореволюционный период). Учебное пособие. - Армавир: РИО АГПУ, 2016. - 192 с. (в соавторстве с Е.М. Белецкой).
12. Об одном аспекте грузино-вайнахских взаимоотношений в XVI-XVII вв. // Известия Академии наук Грузинской ССР: «Мацне». - Тбилиси, 1980. - № 3. – С. 84-92 (в соавторстве с В.Б.Виноградовым).
13. Паметский могильник в горной Ингушетии // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. - Грозный, 1983. - С. 65-70.
14. Доисламский религиозный синкретизм у вайнахов // Советская этнография. – 1989. - № 3. – С.59-63 (в соавторстве с В.Б. Виноградовым).
15. Армяне терского левобережья в XVIII - XIX вв. // Армяне Северного Кавказа. - Краснодар, 1995. - С. 188-195.
16. Календарная обрядность терских казаков // Этнографическое обозрение. – 1996. - № 2. - С.50-63 (в соавторстве с В.Б. Виноградовым и Е.М. Белецкой).
17. Феномен российского ислама у караногайцев // «Российскость» в истории Северного Кавказа. Вопросы Северокавказской истории: Сборник научных статей. Вып.7 /под ред. В.Б. Виноградова. - Армавир, 2002. - С. 31-40.
18. Конфессиональность и этничность на Тереке в XVIII-XIX вв. // Реальность этноса. Образование и проблемы межэтнической коммуникации. - СПб., 2002. - С.236-239.
19. Поселения и традиционное жилище терских казаков // Очерки традиционной культуры казачества России /под ред. Н.И. Бондаря. Т. 1. - М.-Краснодар, 2002. - С.450-458.
20. Повседневная традиционная одежда терских казаков // Очерки традиционной культуры казачества России /под ред. Н.И. Бондаря. Т. 1. - М.-Краснодар, 2002. - С.527-534.
21. Система самоуправления у гребенского казачества в XVIII-XIX вв. // Государственная власть и самоуправление: взаимоотношения и проблемы. - Ставрополь, 2003. - С.6-12.
22. Трапак и лезгинка. Откуда произошли казаки-гребенцы // Родина. – 2004. - № 5. - С.110-113.
23. Лозунг чистоты ислама и народная культура (на примере Чечни первой половины XIX в.) // Кавказский сборник. Т. 1 (33). - М.: Русская панорама, 2004. - С.130-136 (в соавторстве с В.Б.Виноградовым).
24. Старые споры о главном (об особенностях национальной политики Российской империи) // Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. - Ростов-н/Д. – 2005. - № 2. - С.51-57.
25. Терское казачество. Вера и верования // Очерки традиционной культуры казачества России. Т.2 /под ред. Н.И. Бондаря. - М.-Краснодар, 2005. - С.33-42.
26. Терское казачество. Праздники и обряды годового круга // Очерки традиционной культуры казачества России. Т.2 /под ред. Н.И. Бондаря. - М.-Краснодар, 2005. - С.111-120.
27. Терское казачество. Народные знания // Очерки традиционной культуры казачества России. Т.2 /под ред. Н.И. Бондаря. - М.-Краснодар, 2005. - С.411-418.
28. Какой империей была Россия? // Проблемы всеобщей истории: Международный сборник научных и научно-методических трудов. - Вып. 10 /под ред. С.Л. Дударева. - Армавир: РИЦ АГПУ. - С.199-205.
29. Кабардинцы и терско-гребенские казаки в XVI-XVII вв.: некоторые аспекты взаимодействия // Научные проблемы гуманитарных исследований. – Пятигорск. – 2006. - № 1. - С.12-15.

30. Российской как парадигма изучения российско-кавказского единства // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение. - № 45. – Ростов н/Д.: СКНЦВШ ЮФУ, 2007. - С.88-101.
31. О понятийном аппарате в изучении российско-северокавказских отношений в первой половине XIX века // Борьба народов Северного Кавказа 20-50-х гг. XIX в.: спорные вопросы и новые дискуссии. – Дербент, 2009. – С.13-17.
32. О целях правительственной политики на Северном Кавказе в XVIII – первой половине XIX века // *Caucasica. Труды института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. Т.1* /под ред. В.А. Захарова. – М.: ИПСИЧКР, «Русская панорама», 2011. С.18-26.
33. О роли книги у гребенских казаков-старообрядцев в XVIII – начале XX вв. // *Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Книга в історії і культурі : [міжвуз. зб. наук. праць]* / ред. кол.: А.Г. Болебрух (відп. ред.) [та ін.]. – Д.: Вид-во Дніпроп. нац. ун-ту, 2012. – С. 249 – 254.
34. Uciēkamу od Moskwy // *Uwazam Rze Historia*. Warshawa. – 2013. - № 2. -С.10-13.
35. Виталий Борисович Виноградов // Этнографическое обозрение. – 2013. - № 3. - С.170-173.
36. О роли рыболовства у гребенских казаков в дореволюционный период // Этнографическое обозрение. – 2013. - № 5. - С. 28-36.
37. Свадебные обряды гребенских казаков (кон. XIX – нач. XX в.) // Этнографическое обозрение. – 2013. - № 5. - С. 98-114 (в соавторстве с Е.М. Белецкой).
38. Украинцы в Восточном Предкавказье в XIX – начале XX в. // Украинцы Юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития. Материалы Международной научной конференции. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2013.- С.97-101.
39. Фольклорные источники о ранней истории гребенского казачества // Актуальные проблемы источниковедения: материалы международной научно-практической конференции к 135-летию со дня рождения В.И. Пичеты. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. С.138-140.
40. Этнический состав населения города Моздока (вторая половина XVIII – первая половина XIX века) // Город в этнокультурном пространстве народов Кавказа. - М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2014. - С.60-70.
41. О некоторых позитивных итогах политики России на Северном Кавказе в первой половине XIX века // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения /под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова, А.-Н.З. Дибирова. - М.: Аспект Пресс, 2015. - С.331-337.
42. О формировании военных династий в Чечне в дореволюционный период // Виноградовские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции. - Армавир: Дизайн студия Б, 2015. - С. 91-97.
43. Причины нахождения россиян в среде горцев Северо-Восточного Кавказа (первая половина XIX века) // Кавказский сборник. Т.9. - М.: Русская панорама, 2015. - С.90-101.
44. О политике «ласканий» на Северном Кавказе в XVIII веке // Научный журнал «Кант». - 2016. - № 1 (18). - С.4-8.

**Кафедра всеобщей и отечественной истории
Армавирского государственного
педагогического университета,
коллектив научно-педагогической
Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова**

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Члену научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова, известному историку-кавказоведу, доктору исторических наук, профессору кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета, Светлане Александровне Головановой исполнилось 60 лет.

С.А. Голованова родилась 1 октября 1954 г. в г. Грозном. В 1970 г. окончила среднюю школу № 14 г. Грозного, в 1980 г. – исторический факультет Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н. Толстого. После окончания университета работала учителем истории в Урус-Мартановской школе № 7 (Чечня). С 1982 г. С.А. Голованова трудилась в Чечено-Ингушском госуниверситете: сотрудником редакционно-издательского отдела, старшим научным сотрудником в хоздоговорной археологической лаборатории; лаборантом кафедры народов Северного Кавказа, затем преподавателем данной кафедры.

С 1992 г. в связи с переездом в город Армавир вместе с В.Б. Виноградовым и другими коллегами по Кавказоведческой Школе, С.А. Голованова преподает в Армавирском государственном педагогическом университете на кафедре всеобщей и отечественной истории.

С 1980 г. она являлась членом археологического кружка исторического факультета Чечено-Ингушского государственного университета, затем вошла в состав «Кавказоведческого семинара», ставшего предтечей Научной школы Виталия Борисовича Виноградова.

Кандидатскую диссертацию на тему «Русско-северокавказские связи IX – первой половины XVI века (историко-археологическое расследование по материалам Центрального Предкавказья)» под руководством профессора В.Б. Виноградова С.А. Голованова защитила в 1993 г. в Ростовском государственном университете. В 2005 г. в Московском педагогическом государственном университете ей была защищена докторская диссертация «Казачество Терека и Кубани: этнополитические и культурно-исторические особенности становления и эволюции (вторая половина XVI – конец XIX в.)» (научный консультант - профессор А.И. Шаповалов).

Научные интересы С.А. Головановой связаны с проблемами русско-северокавказских связей IX-XVI вв., историей казаков Терека и Кубани, национальной политикой Российского государства в дореволюционный период, вопросами истории России XVIII в. Имеет более 150 научных и научно-методических работ. С результатами своих научных исследований выступала на многих международных, всероссийских, республиканских, региональных научно-практических конференциях.

С.А. Голованова – один из наиболее опытных и высококвалифицированных преподавателей исторического факультета АГПУ. На протяжении ряда лет она читает лекции по истории России XVIII в., курсы по выбору. С 2006 г. успешно осуществляет руководство аспирантами и соискателями. Кандидатские диссертации защитили С.Е. Сазонова, А.С. Малахова, Д.А. Панарин, В.Е. Великая (специальность 07.00.02. – Отечественная история). С.А. Голованова является членом Диссертационного совета ДМ 212.001.08 по историческим наукам Адыгейского государственного университета. Руководит магистерской программой «Историко-регионоведческое образование» в Армавирском государственном педагогическом университете.

Научные и педагогические успехи С.А. Головановой были отмечены рядом наград и поощрений. В 2008 г. она была награждена Почетной грамотой департамента образования и науки Краснодарского края, в 2010 г. – дипломом III степени как научный руководитель лауреата краевого конкурса на

лучшую научную и творческую работу среди аспирантов, соискателей высших учебных заведений Краснодарского края. В 2015 г. от Министерства образования и науки Российской Федерации получил диплом, как эксперт Все-российского конкурса научно-технического творчества молодежи «НТТМ-15». В 2004 г. С.А. Голованова награждена Российским Лермонтовским комитетом медалью М.Ю. Лермонтова в связи с 190-летним юбилеем поэта, в 2007 г. – Союзом общественных объединений ветеранов десантных войск медалью «За службу на Северном Кавказе», в 2015 г. - Институтом политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона памятной медалью «В память 200-летия подписания мирного договора между Россией и Персией».

Сердечно поздравляя с прекрасным юбилеем, желаем нашему уважаемому коллеге, Светлане Александровне Головановой, счастья, здоровья и успехов в научном и педагогическом творчестве!

Список основных публикаций С.А. Головановой

- 1.Находки древнерусских предметов в бассейне рек Кумы и Терека (Х-ХV вв.) // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. - Грозный, 1979. С.120-125 (в соавторстве с Т.С. Магомадовой).
- 2.Страница русско-северокавказских отношений // Вопросы истории. - 1982. - № С.182-184 (в соавторстве В.Б. Виноградовым).
- 3.К проблеме присутствия русского населения на территории Терско-Кумского междуречья в XIII-XVI вв. // Из истории русско-северокавказских связей. – Краснодар, 1988. С.23-25 (в соавторстве с Е.И. Нарожным).
- 4.Русские нательные кресты XII-XV вв. в Предкавказье - источник связей с Восточной Европой // Северное Причерноморье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв. - Ростов-на-Дону, 1990. С.117-122.
- 5.О древнерусских предметах на Северном Кавказе // Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства). - Грозный, 1990. С.6-17. (в соавторстве с В.Б.Виноградовым, Е.И. Нарожным).
- 6.Об одной группе древнерусских крестов на Северном Кавказе // Вторая Кубанская археологическая конференция. - Краснодар,1993. С.18-19.
- 7.Региональные группы казачества Юга России: опыт системного анализа: монография – Армавир: Изд-во АГПИ, 2001. 163 с.
- 8.Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально исторический аспект: Коллективная монография / Под ред. А.И. Шаповалова. – Армавир: Изд-во АГПИ, 2002 . 366 с.
- 9.История казачества: проблемы методологии и терминологии // Казачество как фактор исторического развития России: Документы и материалы общероссийской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Познание, 1999. – С.80-81.

- 10.Южнороссийское казачество как историческая система (Проблемы методологии) // Проблемы социокультурного развития Северного Кавказа: социально-исторические аспекты: Сборник статей. – Армавир: Издательство АГПИ, 2000. С.44-58.
- 11.Тмутараканский след в ранней истории казачества // Вопросы северокавказской истории. – Вып.6. – Армавир: Издательство АГПИ, 2000. С.10-16.
- 12.«Инородцы» в этнокультурном пространстве казаков Терека // Северный Кавказ: геополитика, история, культура: Материалы всероссийской научной конференции. – Москва-Ставрополь, 2001. С.254-256.
- 13.Государственная политика и казаки Терека: исторические параллели // там же. С.259-262.
- 14.Миграционные процессы в формировании казачества Юга России // IV Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. – М., 2001. С.248.
- 15.Казачий идеал гражданского равенства // Из истории и культуры линейного казачества на Северном Кавказе: Материалы Третьей международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. – Армавир: Изд-во АГПИ, 2002. 73-75.
- 16.Причисление военных поселений к Кавказскому линейному казачьему войску // Казачество России: история и современность: Тезисы Междунаучной конференции г. Геленджик (8-11 октября 2002 г.). -Краснодар, 2002. С.42-44.
- 17.Этничность как основная характеристика казачества // Реальность этноса. Образование и проблемы межэтнической коммуникации: Материалы IV научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2002. С.100-103.
- 18.Особенности религиозности казачества // Политические процессы и Юг России: Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Армавир: Изд-во АГПИ, 2002. С.102-111.
- 19.Географический фактор в самоидентификации гребенского казачества // Вопросы северокавказской истории. – Вып.6.- Ч.1. – Армавир, 2001. С.26-36.
- 20.Понятие Родины у казачества Юга России // «Российскость» в истории Северного Кавказа. – Армавир: АГПИ, 2002. С.20-27.
- 21.Тмутараканская версия происхождения казачества // Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры. – Краснодар, 2002. С. 29-41 (в соавторстве с В.Б. Виноградовым).
- 22.Историчность термина «казак» // Материалы Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. - Нальчик, 2003. - Т.5. С.39-46.
- 23.Религиозная ситуация в казачьих регионах Терека и Кубани (конец XVIII-XIX вв.) // Православие в исторических судьбах Юга России. - Изд. 2-е дополненное. - Южно-российское обозрение. - Вып.20. - Ростов-на-Дону, 2004. С.84-95.
- 24.Восприятие казачеством Северного Кавказа «своего пространства» // V Конгресс антропологов и этнологов России. - М., 2003. С.138.
- 25.Восприятие казачеством власти и государства // История и обществознание. - Вып.2. - Армавир: Изд-во АГПУ, 2003. С.31-34.
- 26.Казачья семья: механизмы регулирования численности казачества в XVIII-XIX вв. // Ежегодник историко-антропологических исследований. - М., 2003. С.176-184.
- 27.«Инородцы» в Кавказском линейном войске (XVIII-XIX вв.)// Культурная жизнь Юга России. - 2004. - №2 (8). С.50-55.
- 28.Миграционный фактор в системном функционировании казачества XVII-XIX вв. //Дикаревские чтения (10). Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2003 год: Материалы северокавказской научной конференции. – Краснодар, 2004. С.201-212.
- 29.Религиозное пространство в казачьих регионах Юга России // Русская общественная мысль и православная церковь на Северном Кавказе. - Кисловодск, 2004. С.20-22.

- 30.Городище «Трехстенный городок» (XVIII в. – 1668 г.) // Материалы исследования по археологии Северного Кавказа. – Вып.5. – Армавир, 2005. С.253-277 (в соавторстве с Е.И. Нарожным).
- 31.Казачество как идея и идеал // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы Пятой международной кубанско-Терской конференции. – Краснодар-Армавир, 2006. С.18-20.
- 32.Механизмы регулирования численности казачества на Северном Кавказе (XVIII-XIX вв.) // Вестник Армавирского института социального образования (филиала) РГСУ. – Армавир, 2007. - №5. С.151-156.
- 33.Методологические аспекты изучения казачества// Казачество Юга России в процессах становления и развития Российской государственности. – Ростов-на-Дону. 2007. С.29-31.
- 34.Отдельные аспекты менталитета кубанского и терского казачества// Социально-экономические, политические и исторические аспекты развития Кубани: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Краснодар, 2007. С.67-70.
- 35.Российская составляющая самосознания казачества юга России // Проблемы формирования общероссийской идентичности: русскость и российскость. – Иваново, 2008. С.160-164.
- 36.Этнодемографические процессы в казачьих регионах Терека и Кубани в XVIII-XIX вв. // Российское общество: историческая память и социальные реалии. – Краснодар, 2008. С.57-60.
- 37.Казачья школа в образовательном пространстве Кубани // Вестник Учебно-методического совета Армавирского государственного педагогического университета. 2008. С.31-33.
- 38.Северокавказские народы в среде кавказского линейного казачества (XVIII-XIX вв.) // Казачество и народы России. – Краснодар, 2008. С.52-64.
- 39.Правовое закрепление сословного статуса казачества (XVIII-XIX вв.) //Проблемы становления правового государства и гражданского общества в России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Адлер, 2009. С.110-112.
- 40.Особенности русско-северокавказских связей в XIII-XIV вв.// Российская государственность в судьбах народов северного Кавказа: Материалы региональной научной конференции. – Пятигорск, 2009. С.88-96.
- 41.Понятие «frontier» в современной кавказоведческой литературе (к постановке проблемы)// Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа. – Пятигорск, 2009. С.65-72.
- 42.Русско-северокавказские связи IX – первой половины XVI в.// Северный Кавказ с древнейших времен до начала XX в столетия: Коллективная монография. – Пятигорск, 2010. 318 с.
- 43.Бродники и их место в ранней истории казачества // Вопросы южнороссийской истории. Вып.16. – Москва; Армавир, 2010. С.52-61.
- 44.Образ жизни казачества: социокультурные характеристики // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып.5. - Майкоп, 2010. С.24-28.
- 45.Этнические и сословные характеристики южнороссийского казачества // Фольклор казачества как неотъемлемая часть северо-кавказского этнокультурного пространства: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 275-летию города Кизляра (24-25 сентября 2010 года). - Махачкала, 2010. С.74-82.
- 46.Аланы-ясы в борьбе князя Святослава против Хазарии // Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. - Карачаевск, 2010. С.86-94.
- 47.Казачество в geopolитическом пространстве Северного Кавказа // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып.7. - Майкоп, 2011. С.90-95.

48. Место фольклора в историческом образовании казаков // История и обществознание. Вып.7. - Армавир, 2011. С. 106-109.
49. Роль границы в «национальной политике» и межэтническом взаимодействии в России XVIII в. // Межэтническое взаимодействие в России: исторический опыт, проблемы и перспективы развития. - Краснодар, 2013. С.66-81.
50. Место и роль ушкуйников в ранней истории гребенского казачества // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы восьмой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции /под ред. Н.Н. Великой, С.Н. Лукаша. - Армавир, 2012. С.193-195.
51. Переселение на Северный Кавказ и перевод крестьян и однодворцев в казаки (XVIII-XIX вв.)// История и обществознание. Вып.1. – Армавир, 2013. С.3-11.
52. Изучение русско-северокавказских связей X-XVII вв. научной Школой В.Б. Виноградова (статья) Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова. 50 лет в пути: сборник научно-исследовательских очерков и био-библиографических работ/ под ред. С.Л. Дударева. - Армавир, Ставрополь, 2013. С.190-202.
53. Государственная политика России по регулированию численности казаков Терека и Кубани в XVIII-XIX вв.: этнодемографический аспект: монография. - Армавир: РИО АГПА, 2014. 123 с.
54. Торговые операции славянских купцов и купцов-русов на Кавказе в IX – первой половине X в История и обществознание. Вып.9. - Армавир, 2014. С.3-7.
55. Роль казачества в оформлении южных пограничных линий в России в первой четверти XVIII в. Первая мировая война: великая и неизвестная //Материалы международной научно просветительской конференции (23-27 мая 2014 г.). - Краснодар: Традиция, 2014. С. 72-76.
56. Сарайская православная епископия и русское население на Северном Кавказе в XIII-XIV вв. Православие в истории и культуре Северного Кавказа: Материалы VI Международных Свято-Игнатиевских чтений. Вып. 1. - Ставрополь: Издательский центр Ставропольской Православной Духовной Семинарии; Дизайн-студия Б, 2014. С.25-31.
57. Особенности российско-северокавказских взаимоотношений в X-XIX вв.: Научно-методическое пособие для студентов направления подготовки 050100 «Педагогическое образование» образовательная программа бакалавриата «История» /под ред. Б.В. Виноградова. - Армавир: РИО АГПА, 2014. – 292 с. (в соавт.).
58. Особенности этнокультурной интеграции в казачьей среде в XVIII-XIX вв. //Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений. I Все-российская (с международным участием) научно-практическая конференция. - Славянск-на-Кубани, 2014. - С.30-34.
59. Гребенские и терские казаки (вторая половина XVI-XVII вв.) //Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография /Под ред. Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева. - Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАН-ХиГС, 2014. С.27-36.
60. Включение казачества в сословную структуру российского общества // Виноградовские чтения: Материалы Международной научно-практической конференции. – Армавир, 2015. С.64-70.
61. Казаки в истории Ставрополья: Учебное пособие для учащихся 6-7 классов.- М.: Владос, 2015. 248 с. (в соавторстве).

**Кафедра всеобщей и отечественной истории
Армавирского государственного
педагогического университета,
коллектив научно-педагогической
Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова**

Н.М. ЕРЕМИНУ – 60!

23 января 2016 года члену научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова Николаю Михайловичу Еремину исполнилось 65 лет.

После окончания средней школы, с 1968 по 1973 год Н. Еремин — студент исторического факультета Курского государственного педагогического института. С 1973 по 1992 год жил и работал в станице Шелковской Чечено-Ингушетии. На берегах Терека определились исторические и научные интересы Н.М. Еремина. С 1988 года он — вначале соискатель, а затем аспирант кафедры истории народов Северного Кавказа Чечено-Ингушского государственного университета имени Л. Н. Толстого, изучающий роль терских казаков в обустройстве российских границ. С конца 1980-х гг. Н.М. Еремин занимается активной общественной деятельностью. Он стоял у истоков казачьего движения на Тереке и впоследствии принимал участие в создании «Союза казаков России». По его инициативе 10 марта 1990 года в станице Шелковской был проведен Казачий круг и создан Терско-Гребенской союз казаков. События девяностых не сумели остановить участия педагога-историка Н. М. Еремина в работе Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова, а их

дружба с Учителем и наставником окрепла. Вместе с воспитанниками Николай Михайлович неоднократно приезжал в Армавир.

Николай Михайлович Еремин — «Ветеран труда». В его сорокалетнем служении детям — должности директора Шелковской средней школы № 1 на Тереке, начальника управления образования города Губкина и района, директора школы № 17, ставшей «Школой века» и Академической школы № 2 города Губкин Белгородской области. Ныне он продолжает работать в лицее № 5 в городе горняков «КМА». Н.М. Еремин дважды избирался народным депутатом. Ныне он является членом Совета стариков Центрального казачьего войска и Председателем Совета стариков Белгородского отдельского казачьего общества. Ему присвоен чин — войсковой старшина. Казачий полковник Еремин возродил «Общество любителей казачьей старины». Николай Михайлович ведет научную деятельность. Им подготовлена кандидатская диссертация, которая представлена к защите. Н.М. Еремин - автор более 100 научных и краеведческих публикаций. Он — член Союза журналистов России, действительный член-корреспондент Академии общественных наук (г. Москва), имеет звания «Народный педагог», «Отличник народного просвещения РФ» и др. Является полным кавалером Креста «За службу казачеству России», кавалером Креста "За службу Центральному казачьему войску". В связи с юбилеем Митрополитом Белгородским и Старооскольским Н.М. Еремин награжден памятной медалью "700-летие Сергея Радонежского".

Поздравляя с юбилеем нашего коллегу, друга, соратника, желаем ему счастья, крепкого здоровья, и новых свершений по имя воспитания новых поколений россиян в духе патриотизма и любви к Родине и на благо казачьего движения в России.

Список основных публикаций Н.М. Еремина

1. Еремин Н.М. Строительство российской крепости Шелковской в системе кавказской укрепленной линии в конце XVIII-начале XIX веков // Ученые записки Курского государственного университета. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2011. №— <http://www.scientific-notes.ru/pdf/022-007.pdf>

2. Еремин Н.М. Обустройство казачьей станицы в системе укреплений левого фланга Кавказской линии в XIX веке. // Вестник Орловского государственного университета. – 2013. – № 3. – С.175-177.
3. Еремин Н.М. Организация пограничной казачьей службы на гребенском участке левого фланга Кавказской линии в конце XVIII -начале XIX века. Электронный журнал «Ученые записки» Курского государственного университета. – № 1(29). – 2014 [http://www.scientific-notes.ru/pdf/034-004.pdf].
4. Еремин Н.М. Гребенской участок Кавказской линии в конце XVIII – XIX вв. – Белгород: Изд-во «Константа», 2014. – 176 с.
5. Еремин Н.М. Процесс превращения вольного гребенского казачества в иррегулярное формирование вооруженных сил России в конце XVIII – середине XIX века // Чечено-Ингушетия в составе России в конце XVIII-середине XIX века: Тезисы докладов и сообщений республиканской научно-пропагандистской конференции. – Грозный: Изд-во ЧИГУ, 1989. – С. 26-28.
6. Еремин Н.М. Выписки из дела Центрального государственного архива Чечено-Ингушской АССР, сделанные с 29 марта по 13 апреля 1990 года // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы III Международной Кубанско-Терской конф. – Армавир: Изд-во АГПУ, 2002. – С. 114-116.
7. Еремин Н.М. За другие своя // Евангелие в контексте современной культуры: материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 700-летию преподобного Сергия Радонежского / под ред. М.С. Жирова, Т.И. Липич, С.М. Дергалева. – Белгород: ООО «Эпикентр», 2014 г. – С. 119-123.
8. Еремин Н.М. Государственная политика России по укреплению границы на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв. // Евразийский Союз ученых. – № 8. – М., 2015. – С. 38–41.

**Коллектив научно-педагогической
Кавказоведческой Школы
В.Б. Виноградова**

MEMORIA

ПАМЯТИ В.Е.МАКСИМЕНКО

28 ноября 2014 г. не стало видного отечественного ученого-археолога, талантливого преподавателя и известного деятеля южнороссийских вузов доктора исторических наук, профессора Владимира Евгеньевича Максименко³. Казалось бы, еще совсем недавно праздновался юбилей этого коллеги. Но смерть неумолима... И сегодня нам остается самое главное – память об этом замечательном, добром человеке.

С Владимиром Евгеньевичем Максименко мы познакомились в середине 1970-х гг. Но заочное знакомство состоялось несколько раньше, в 1972 г., через посредничество Л.С. Ильюкова и уже покойного А.К. Гамаюнова. Тогда, на региональной студенческой конференции в Краснодаре, проходившей в стенах Кубанского университета, мы с моим прежним товарищем Х.М. Мамаевым (ныне это научный сотрудник Чеченской Академии наук) впервые услышали о двух руководителях ростовских студентов – В.Е. Максименко и В.Я. Кияшко. Слушая рассказы Толи, Лёни и их товарищей, мы воочию ощущали шальной ветер донских

³ Подробно о творческом и жизненном пути В.Е. Максименко, а также его избранные работы и библиографию трудов см.: ТАНАІН ΔΕ ΠΟΤΑΜΟΝ ΔΙΑΒΑΝΤΙ= ЗА РЕКОЙ ТАНАИСОМ: сборник памяти В.Е. Максименко (1939-2014)/под общ. ред. В.А. Кореняко, А.Л. Бойко; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2015. – 316 с.: ил.

степей, видели яркое солнце над выжженым пыльным раскопом, наших новых друзей за работой и крепкие фигуры их бородатых, энергичных предводителей. Работа и непростой, но временами и веселый экспедиционный быт... Кстати говоря, в те времена упомянутые ученые-археологи из Ростова-на-Дону виделись нам, студентам из Грозного, именно tandemом. Разумеется, мы знали о том, что на Нижнем Дону ведет раскопки целое сообщество ученых из Москвы, Ленинграда и других городов страны. Но имена ростовских археологов стояли особняком. Почему? Они для нас олицетворяли местную струю в донской археологии, что было близко для учеников В.Б. Виноградова, доброго коллеги В.Е. Максименко и В.Я. Кияшко, основавшего грозненскую археологическую школу, ставшую затем коллективом археологов и историков, изучавших не только древность и средневековье, но и более поздние периоды истории Северного Кавказа.

Ощущение tandemа подкреплялось и тем, что В.Е. Максименко и В.Я. Кияшко параллельно защищали кандидатские диссертации. Впрочем, по прошествии времени, более зрелый глаз стал замечать в этом «параллелизме» и элементы соперничества. Что ж, это вполне естественно. Два коллектива, две школы, идущие рядом... В таких случаях всегда, хочешь - не хочешь, встает вопрос, а кто «быстрее, выше, сильнее».

В 1976 г. автор этих строк вместе со своим Учителем, В.Б. Виноградовым, впервые приехал на одну из знаменитых Донских конференций. Боже, какие имена блистали тогда на «небосклоне» этого представительного форума! Не забыть, например, знакомства с такими легендарными учеными как К.Ф. Смирнов и Д.Б. Шелов (которые в простом человеческом общении вовсе не были некими академическими монументами, а пели, например, вместе со всеми участниками конференции произведения лагерного «шансона»), впечатлений от импозантного И.С. Каменецкого, эпатажного Б.А. Раева и многих других людей, обстоятельств, неотразимого местного колорита. В.Е. Максименко и его коллега В.Я. Кияшко занимали достойное место среди сего многочисленного и мозаичного собрания, но

теперь понимаешь, что усилиям этих ростовских ученых еще предстояло по настоящему прорости в будущем. Шло накопление сил, опыта, знаний. Прокладывались пути, которые, как показало время, оказались связанными не с одной лишь любимой археологией. И это не случайно. Ученый-вузовец – человек в чем-то подневольный. Преподавать нужно не только что хочешь, но больше то, что надо. И не только преподавать, но и заниматься смежными, а то и весьма удаленными сферами исторической науки. И В.Е. Максименко удалось успешно сочетать археологию с новой для себя отраслью – всеобщей историей.

С одной стороны, он давно являлся крупным ученым, признанным специалистом по археологии раннежелезного века Нижнего Дона. Его монографии и статьи вошли в золотой фонд историографии по проблематике ираноязычных кочевников на Юге Восточной Европы. Редактируемый в течение ряда лет В.Е. Максименко научный журнал «Донская археология» был одним из наиболее интересных и ярких археологических изданий Юга России. В.Е. Максименко традиционно растил и пестовал студентов – молодую популяцию донских археологов, проводя студенческие региональные археологические конференции. Ученый прививал своим подопечным разнообразные знания и навыки. Среди его воспитанников – известные археологи В.А. Кореняко, А.А. Горбенко, С.И. Лукьяшко, Л.С. Ильюков, А.Л. Бойко, С.В. Гуркин, специалист по Нартскому эпосу А.Е. Иванеско, ученые из Египта и Южной Кореи, Валид Али Мохаммед Махмуд и Ли Джин Ын, защитившиеся на стыке археологии и других наук (отечественной и всеобщей истории), и др.

С другой, Владимир Евгеньевич много поспособствовал становлению в РГУ кафедры истории древнего мира и средних веков, внеся большой вклад в ее развитие. Его вхождению в сферу науки о всемирной истории основательно содействовала своими советами и помощью д.и.н., профессор Нина Алексеевна Акимкина, с которой В.Е. Максименко по жизни связывали тесные семейные и дружеские отношения.

В самом деле, легко ли археологу «переквалифицироваться», или, лучше сказать, получить дополнительную квалификацию «всеобщника»? Разумеется, нет. Автор этих строк знает об этом не понаслышке. Но археология – удивительная дисциплина. Она каким-то непостижимым образом аккумулирует в себе соединение знаний и умений, которые помогают постигать смежные сферы исторической науки. Владимир Евгеньевич, строя возглавляемую им кафедру, проводил представительные всероссийские и международные конференции, такие как «Сказкинские чтения», в которых принимали участие ученые из различных вузовских и академических центров России и дальнего зарубежья. Эти конференции были настоящим «мастер-классом» для молодой поросли ростовских ученых – «всеобщников». Не забыть и удивительной атмосфера человеческого общения, которая витала на них. Разумеется, главным «центром притяжения» на этих форумах был Владимир Евгеньевич. Коллег тянула к нему его открытость, приветливость, дружелюбие, желание превратить научное общение в праздник, аура которого была главной во всем этом деле, и неодолимо влекла к себе прибывших. В.Е. Максименко подготовил ряд интересных специалистов по зарубежной истории. Среди них В.Ю. Апрыщенко, Г.Ю. Магаков, Н.В. Ласкова, А.А. Харченко, и ряд других. Для многих из них характерны глубокое знание материала, оригинальные идеи, рождающиеся на стезе междисциплинарных исследований, умение отстаивать свои убеждения. И во всем этом есть большая доля влияния их руководителя – профессора В.Е. Максименко. Но не только эрудиция, интуиция ученого и такт педагога помогли воспитать ему плеяду учеников – специалистов в различных областях исторической науки. Владимир Евгеньевич и в повседневности был человеком обаятельным, веселым, своим энтузиазмом и опытом, умело подвигавшим коллег, друзей, учеников на научные и жизненные свершения, настоящим археологом-полевиком.

Память об этой замечательной личности будет помогать коллегам В.Е. Максименко двигаться по жизни, и так же, как и он, до конца делать самое главное – дело, ради которого мы пришли в науку и преподавание.

С.Л. Дударев

ПАМЯТИ М.Н. ПОГРЕБОВОЙ

12 ноября 2015 г. ушла из жизни видный российский археолог-кавказовед и специалист по древней истории Кавказа и Передней Азии Мария Николаевна Погребова.

М.Н. Погребова родилась в 1931 г. в г. Москве. В 1954 г. окончила исторический факультет МГУ (кафедру археологии), в 1965 г. – защитила кандидатскую диссертацию, в 1985 г. – докторскую. В течение многих лет М.Н. Погребова работала ведущим научным сотрудником Отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН. К основным работам М.Н. Погребовой относятся такие, как:

- Иран и Закавказье в раннем железном веке (М., 1977);
- Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время (М., 1984);
- Скифские памятники Закавказья (в соавторстве с С.А. Есаяном, М., 1985);
- Ранние скифы и Древний Восток (в соавторстве с Д.С. Раевским, М., 1992);
- Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями (в соавторстве с Д.С. Раевским, М., 1997).

М.Н. Погребова проявила себя, как тонкий знаток культуры ранних кочевников Евразии, и, одновременно, как блестящий специалист в области материальной культуры и истории населения Кавказа и Ближнего Востока. Ее работы, в том числе, совместно с такими ведущими учеными России и Арме-

нии, как С.А. Есаяном и особенно, Д.С. Раевским – пожизненным соавтором и другом Марии Николаевны – отмечены глубоким анализом материала и делегатным обращением с такой сферой жизни исследователя, как научная этика. М.Н. Погребова была наделена природным аристократизмом, и чрезвычайной нравственной щепетильностью, будучи далекой от околонаучных дрязг и излишне эмоциональных полемик, всегда имея, при всем том, свою твердую точку зрения на те или иные проблемы изучаемой ею тематики. Но она никогда никому не навязывала свое мнение. Сам внешний облик Марии Николаевны – до самой смерти тонкой, стройной, с горделивой осанкой, взглядом, полным достоинства и одновременно доброжелательности, сдержанной по тональности и выверенной по стилистике речью, рождал мысленное равнение ее с выпускницами Института благородных девиц.

Наше знакомство с М.Н. Погребовой состоялось в 1978 г. на представительном Всесоюзном совещании по проблемам периодизации – хронологии культур позднего бронзового – раннего железного века Кавказа в г. Сигнахи (Грузия). Мария Николаевна запомнилась не только своим интересным и отточенным докладом. Ее внешний имидж, о котором выше шла речь, запечатился не только в сознании автора этих строк, но и многих участников той конференции. Им предстояло отправиться на одну из многочисленных и ярких экскурсий по памятникам Кахетии – цветущей исторической области Грузии, сопровождавшихся впечатляющим кавказским гостеприимством. Делегаты конференции ждали отправки в автобусе. В это время на крыльце пансионата «Амирани», где они проживали во время симпозиума, буквально выпорхнула девическая фигурка в белом. Лица сидящих рядом со мной в автобусе осветились улыбкой и прокатился шелест: «Машенька...» То была М.Н. Погребова, над которой внешне возраст никогда не был властен.

...Вспоминается и другая встреча с Марией Николаевной, которая была поистине судьбоносной для меня. В феврале 1999 г., привезя в МГУ им. М.В. Ломоносова свою докторскую диссертацию, я узнал от покойного ныне проф. Г.А. Федорова-Давыдова, что возглавляемый им докторский диссертационный

ционный Совет при истфаке МГУ временно не работает. Пребывая в минорном настроении, я пришел к М.Н. Погребовой, с которой состоял в постоянной переписке с достопамятной конференции в Грузии, в ИВ РАН. Узнав о ситуации, Мария Николаевна вдруг спросила: «А почему Вам не защищаться у нас?». И тут же набрала номер телефона акад. РАН Г.М. Бонгард-Левина, председателя диссертационного Совета при Институте востоковедения. На меня произвела большое впечатление та трогательная простота, с которой общались эти светила науки. «Гриша, это Маша Погребова. Тут у меня сидит Сергей Леонидович Дударев...». После чего последовало описание моих невеселых на тот момент дел. И, о чудо, они сдвинулись с мертвоточки! В мае того же года моя работа была защищена в ИВ РАН, что было одним из самых незабываемых событий в жизни автора этих строк.

Наше общение с Марией Николаевной продолжалось еще долгие годы. Приезжая в Москву, я посещал свою коллегу у нее дома, во время чего всегда следовало неизменное чаепитие и беседы о моих делах. М.Н. Погребова выступила ответственным редактором нашей совместной с А.Б. Белинским монографии о могильнике Клин-яр III – выдающемся памятнике археологии раннего железного века Кавминвод. Увы, она уже не увидела этой книги, вышедшей в свет, бандероль с которой пришла на адрес М.Н. Погребовой уже после ухода ее из жизни...

Память о замечательном ученом и человеке навсегда сохранится в сердцах тех, кто знал Марию Николаевну Погребову.

С.Л. Дударев

ПАМЯТИ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА ДИТЛЕРА

В 2015 г. исполнилось 20 лет, как ушел из жизни один из старейших археологов Кубани и первый археолог Адыгеи Петр Алексеевич Дитлер.

Скупые слова, официальные строки... Время уходит, и все меньше рядом с нами остается людей, хранящих память об этом удивительном человеке, людей, способных в полной мере понять смысл понятий «первый» и «старейший» в отношении его. Вниманию читателя предлагается содержание любопытного документа, - автобиографии, написанной рукой П.А. Дитлера по последнему месту его работы в Адыгейском научно-исследовательском институте экономики, языка, литературы и истории. Документ этот, воспроизведенный здесь дословно, на наш взгляд, дает достаточно яркое представление о судьбе археолога, и о той эпохе, свидетелем, героем и жертвой которой он был... Итак, археолог П.А. Дитлер, краткие биографические сведения:

«Родился в 1917 г. в г. Ставрополь-на-Кавказе в семье служащего. Родители: отец Дитлер А.А., немец по национальности, умер в 1918 г.; мать до-мохозяйка, русская. Воспитывался после смерти отца в семье матери, у дедушки и бабушки матери. Обучался до 4 класса в Ставропольской железнодорожной школе. В 1928 году вся наша многочисленная семья (14 человек) переехала на постоянное место жительства в г. Краснодар, где продолжал обучение в шк. № 21, а затем в ср. школе № 8, которую и закончил в 1933 году. Начиная с 6 класса увлекся древней историей, стал постоянным членом археологического кружка, которым руководил мой первый учитель, талантливый педагог, классный руководитель М.В. Покровский, прививший мне любовь и преданность к археологии. В это же время его учеником был и Н. В. Анфимов, с которым меня связывает многолетняя работа и дружба. В 1934 г. я поступил в Краснодарский пединститут им. 15 – летия ВЛКСМ на филологический факультет с историческим уклоном, т.к. чисто исторический факультет был открыт только в 1936 г. Закончил институт в 1938 г. Все годы обучения в институте курс истории вел мой учитель М.В. Покровский, ставший в 60-е годы доктором исторических наук. И в школьные годы, и будучи студентом участвовал во многих археологических экспедициях М.В. Покровского, затем Н.В. Анфимова и даже прославленного на весь мир археолога Василия Алексеевича Городцова (1935 г., раскопки Елизаветинского могиль-

ника). В армии не служил по причине немецкого происхождения (год призыва 1938). В этом же году стал работать учителем в г. Краснодаре (ср. шк. № 4), а затем директором этой школы. Женился, но семейная жизнь не сложилась, и в 1940 г. семья распалась. В этом же году по приказу наркома, как молодой специалист, был направлен на работу на Дальний Восток. Попал я в Приморский край, Уссурийскую область, был направлен в сред. школу пос. Яковлевка учителем литературы, вел и уроки истории. Началась война. Многие мужчины-учителя ушли на фронт. И только в марте 1942 г. я был мобилизован в трудовую армию. Осталась жена (вторая), которая ждала ребенка (в мае 1942 г. родился мальчик). В трудовой армии я оказался среди людей, носящих немецкие фамилии, людей самых разных специальностей. Поселили нас в Хабаровском крае Верхне-Буреинском районе, в огромном лагере, обнесенном двойным рядом колючей проволоки с часовыми на вышках. Кругом на сотни километров глухая тайга и очень редкие населенные пункты. Было нас вначале 3600 человек. Работали по 12-14 часов в сутки на самых тяжелых физических работах: лесоповал, отгрузка леса, прокладка дорог, в каменистых карьерах, затем в угольных шахтах и даже рудниках. И никакой техники (кроме грузовых машин ЗИС-5). Все работы велись вручную и всегда под вооруженной охраной. Умирали, замерзали, гибли в лесу, на прокладке дорог, в шахтах, были просто убиваемы... И так полных четыре года мучений, физических перенапряжений и голода. Мало нас осталось к концу 1945 г. Я чудом выжил.

В 1946 году вышел указ о нашем вечном поселении в этих местах. Оставшимся в живых (около 600 человек) открыли ворота лагеря и разрешили поселиться в маленьких поселках под строгим надзором коменданта района и обязательной отметкой два раза в месяц в комендатуре. Разрешено было работать по специальности, но категорически запрещалось привозить семью. Так второй раз сама собой распалась моя семья. В 1946 г. мне разрешили (с большой неохотой) работать учителем начальной двухкомплектной школы в пос. Усть-Умальтинском Верхне-Буреинского р-на. Работал один и учителем,

и заведующим школой. В 1948 г. меня как специалиста с высшим образованием перевели в среднюю школу на рудник в пос. Умальтинский, еще севернее, где я работал учителем истории и литературы до 1950 г. В этом же году приказом РайОНО меня назначают директором 8-летней школы в леспромхозовский рабочий поселок Согда. В 1954 г. вышел указ о нашем полном освобождении, отмена указа о вечном поселении.

К этому времени я в третий раз был женат, у меня была 5-летняя дочь. И вот, в этом же году я выехал на родину в Краснодарский край, г. Краснодар, к своей престарелой матери. В этом же 1954 г. по приказу КрайОНО я был назначен учителем, а год спустя директором в ср. шк. ст. Ахтанизовской Темрюкского района, в связи с тяжелым заболеванием жены (эпилепсия) уволился и в 1957 г. переехал в г. Краснодар для ее лечения. По предложению директора АНИИ⁴ М.Г. Аутлева в этом же году стал мл. научным сотрудником-археологом института, которых не имел до 1957 г. специалиста такого профиля. Проработал я в НИИ 10 лет, до осени 1967 г., а затем был уволен по причинам вовсе от меня не зависящим. С 1967 по 1972 гг. работал воспитателем и учителем в СПТУ. С 1972 по 1977 гг. был старшим научным сотрудником в Адыгейском областном краеведческом музее в качестве археолога.

3 сентября 1977 г. вышел на пенсию по возрасту, но в пенсионные годы принимал участие в археологических экспедициях АНИИ, Адыгейского областного музея, Краснодара, Туапсе и др.

10 февраля 1992 г. принят на работу в АНИИ в качестве мл. научного сотрудника в отдел археологии. Имею несколько печатных работ».

Вот такая судьба... Что к этому еще добавить? Рассказ о многочисленных экспедициях, которыми он руководил или принимал участие, был бы слишком обширен для данного сборника. П.А. Дитлер исследовал десятки памятников археологии на территории Закубанья. Он копал курганы и грунтовые могильники в зоне строительства Краснодарского водохранилища. Он

⁴ Адыгейский научно-исследовательский институт экономики, языка, литературы и истории.

исследовал древние поселения и стоянки в предгорьях. Он проводил разведки в дремучих горных лесах Адыгеи. В последние годы жизни, с 1989 по 1994 гг., Петр Алексеевич работал в экспедициях автора этих строк. Писал своим неизменно каллиграфическим почерком полевые дневники, учил студентов расчистке погребений, снабжал всю экспедицию рыбой, которую на вечерней зорьке ловил во всех окрестных водоемах. И очень много рассказывал. О том, как валить вековые таежные кедры лучковой пилой. Об охоте на глухаря. О технологических особенностях керамики различных эпох.. О наградных оселках, которыми в киммерийскую эпоху отмечались воины-ветераны. Обо всем на свете. Сохранив в самые преклонные годы кристальную память, красноречие и юмор, Петр Алексеевич вел свои повествования в неизменном сопровождении мечтательно открытых ртов и восторженных глаз рядового состава экспедиций. Таким он оставался до самого конца.. Зимой 1994 г., уже почти не вставая из-за смертельной болезни, П.А. Дитлер придирчиво проверял отчеты по раскопкам своих учеников, строил большие планы на следующий полевой сезон.. Он ушел в свою последнюю экспедицию 8 марта 1995 г... Диссертаций не защитил, ученых степеней и регалий не обрел.. Как то не случилось.. То немецкая фамилия оказалась не ко времени, то личная нетерпимость к плагиаторству пришла не по вкусу кому-то из влиятельных коллег... А то и просто в поле был, некогда... Да и никакими регалиями П. А. Дитлер за всю свою жизнь отмечен не был. Вот только на похоронах кто-то из учеников, в нарушение всех инструкций по хранению археологических материалов, сунул ему в карман наградной киммерийский оселок из числа случайных находок. С ним его и похоронили.

Личный архив. Пухлые канцелярские папки с рукописями, чертежами и фотографиями. Письма коллег и друзей.. Блокноты полевых дневников в по-коробившихся от дождя и солнца переплетах.. Между исписанных карандашом страниц засохшие травинки и комары.. Письма коллег и друзей.. Черновики стихов. Отзвуки давно свершившихся событий, отшумевших страстей. В другой стране, в другом тысячелетии. Время неумолимо меняет этот мир.

Меняются приоритеты и ценности, меняются люди. И лишь иногда, когда листаешь ветхие странички потертых экспедиционных дневников, приходит щемящее чувство тоски по той светлой эпохе первооткрывателей, которая безвозвратно уходит от нас.

П.А. Дитлер похоронен на кладбище г. Майкопа. На средства, собранные археологами Майкопа, Краснодара и Москвы, его ученики поставили памятник, - серый гранитный квадр, - тяжелый обломок скалы с изломанными гранями...

**Сазонов А.А. главный специалист
ОАО «Наследие» (г. Краснодар).**

SUMMARY

This interuniversity collection, traditionally compiled on the basis of professor V.B. Vinogradov scientific-pedagogical Kavkazovedcheskaya School, contains articles and Ph.D. students, undergraduates and graduate students of a number of higher educational institutionstion of the North Caucasus and research institutions in the regionand on various issues of archeology and ethnography, and historical regional studies of the North Caucasus. The collection also includes materials jubilee character, reflecting the way of life, scientific and social achievements of a number of known Caucasiologists. In this issue, and put the memorial publication is a tribute to some of the eminent scientists of our country, recently deceased.

**Армавирский Государственный Педагогический Университет
Армавирский Механико-Технологический Техникум**

**АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

МАТЕРИАЛЫ 21-Й ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ